

№ 784

III. 7365

А. А. Сидоровъ.

ВЫПУСКЪ I.

Русскіе и русская жизнь
ВЪ ВАРШАВѢ.

(1815—1895).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Со снимками съ картинъ, портретовъ и медалей).

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1899.

12

БИБЛИОТЕКА
РУССКАГО
Коммерческаго Общества
въ г. Варшавѣ

№ 784

Июль 25 дня 1911 г.

Цѣна.....руб. *75* коп.

Переплата 10
85k

Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ.

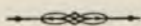
2
Гусеву
Тимофеевичу
Копица

Voss: 943.8

РУССКІЕ И РУССКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ ВАРШАВѢ.

(1815—1895).

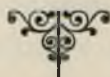

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(СО СНИМКАМИ СЪ КАРТИНЪ, ПОРТРЕТОВЪ И МЕДАЛЕЙ).

А. А. Сидорова.

ВЫПУСКЪ I.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1899.

РУССКІЕ И РУССКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ ВАРШАВѢ

(1881 - 1882)

Дозволено Цензурою.
Вильна 10 Января 1899 г.

III. 7365 V^u

ИЗДАТЕЛЬСТВО
И. П. МАРШЕВСКОГО

Н. 117/56

BZ08PK/020-26

Предисловіе.

Первыя четыре главы предлагаемаго читателямъ историческаго очерка русской жизни въ Варшавѣ были напечатаны въ майской книжкѣ журнала *Русское Обозрѣніе* за 1898 г. Остальныя главы появляются въ печати въ первый разъ.

У насъ немало писано о польскихъ мятежахъ 1830 — 31 гг. и 1863 года, но о томъ, какъ жили русскіе въ Привислинскомъ краѣ и въ частности въ его центрѣ — Варшавѣ со времени перехода этого края подъ власть Россіи, какъ росло здѣсь русское общество, какъ зарождалась и слагалась тутъ русская общественная жизнь, какъ возникали русскія общественныя учрежденія, — въ нашей литературѣ имѣются лишь отрывочныя и далеко неполныя свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія можно найти въ нѣкоторыхъ трудахъ по исторіи нынѣшняго вѣка, въ сочиненіяхъ протоіереевъ Лотоцкаго и Корженевскаго по исторіи православной церкви въ Привислиньи, въ напечатанной въ началѣ 80-ыхъ годовъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статьѣ Вс. Крестовскаго „Военная жизнь въ Варшавѣ съ 1815 до 1831 г.“ и въ исторіяхъ полковъ, квартировавшихъ и квартирующихъ понынѣ въ Привислинскомъ краѣ, а также въ появившихся въ разное время „Воспоминаніяхъ“ и „Запискахъ“ разныхъ лицъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я старался нарисовать возможно полную картину русской жизни въ Варшавѣ за послѣднія 80 лѣтъ (1815 — 1895), почерпая данныя изъ указанныхъ источниковъ, изъ варшавскихъ газетъ прежнихъ лѣтъ и изъ нѣкоторыхъ историческихъ трудовъ и мемуаровъ польскихъ авторовъ, а также основываясь на бывшихъ въ моихъ рукахъ архивныхъ документахъ и на разсказахъ варшавскихъ русскихъ старожиловъ, которымъ приношу благодарность за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія. Являясь первымъ опытомъ въ этомъ родѣ, настоящій очеркъ несомнѣнно, не чуждъ пробѣловъ и неточностей, избѣгнуть которыхъ вслѣдствіе многихъ причинъ было трудно.

Цинюграфіи работы варшавскаго циню-
графическаго заведенія „Вержбицкій и К^о“,
ксилографіи работы Ст. Ханкевича.

I.

Преслѣдуя армію Наполеона, наши войска вступили въ первыхъ числахъ января 1813 года въ варшавское герцогство, а 26 января утромъ авангардъ подъ командой генерала Милорадовича подошелъ къ Варшавѣ. Въ два часа по-полудни въ тотъ-же день явилась въ пригородное селеніе Мокотовъ, гдѣ въ то время находился графъ Милорадовичъ, депутація отъ города, поднесшая хлѣбъ-соль и городскіе ключи. Отвѣчая на привѣтствія депутаціи, Милорадовичъ сказалъ, что „церкви и законы останутся неприкосновенными“, и что „Государь изъ особеннаго покровительства къ Варшавѣ освобождаетъ ее отъ постоа“. „Государь, — продолжалъ графъ, — не желаетъ проливать кровь за кровь и платить разрушеніемъ за разрушеніе; даже для самыхъ виновныхъ отложилъ онъ судъ свой, карая ихъ одною милостью“¹⁾. Въ февралѣ, находясь въ Калингѣ, императоръ Александръ I учредилъ для управленія занятымъ нашими войсками варшавскимъ герцогствомъ временный верховный совѣтъ, о чемъ 1-го и 2-го марта послѣдовали высочайшіе указы. Предсѣдателемъ этого совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-губернаторомъ герцогства былъ назначенъ сенаторъ В. С. Ланской, служившій раньше въ Литвѣ, считавшійся опытнымъ администраторомъ и бывшій затѣмъ въ 1825 — 1827 годахъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, товарищемъ предсѣдателя — Н. Н. Новосильцовъ, а членами: Вавржецкій, который командовалъ польской арміей въ 1794 г. послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки, и князя А. Чарторыйскій и Любецкій-Друцкій. При временномъ верховномъ совѣтѣ состоялъ комитетъ изъ депутатовъ отъ каждаго департамента герцогства.

19 марта предсѣдатель верховнаго совѣта герцогства и вмѣстѣ съ тѣмъ варшавскій генераль-губернаторъ В. С. Ланской прибылъ въ Варшаву и остановился въ Брюловскомъ дворцѣ, построенномъ Брюлемъ, министромъ польскаго короля Августа III, и бывшемъ въ эпоху Екатерины II резиденціей нашихъ пословъ при польскомъ дворѣ, а 22 марта было объявлено объ открытіи дѣйствій верховнаго совѣта, помѣстившагося въ зданіи, которое теперь занимаетъ варшавская судебная палата. Но словамъ польскаго литератора первой половины этого столѣтія Дмоховскаго, дѣятельность верховнаго совѣта характеризовалась „величайшею мягкостью и заботами о благѣ страны“²⁾, командовавшій-же нашей резервной арміей князь Лобановъ-Ростовскій, говоря въ письмѣ къ Аракчееву объ отношеніи

¹⁾ „Записки о походѣ 1813 г.“ А. Михайловскаго — Данилевскаго, — 2-ое изд. СПб. 1836 г. стр. 26.

²⁾ F. Dmochowskiego „Wspomnienia od 1806 do 1830 r.“ Варшава, 1858 г. стр. 53.

въ полякамъ генераль-губернатора варшавскаго герцогства, выразился такъ: „истинно стыдно явное и, такъ сказать, подобострастное во всякомъ случаѣ угожденіе полякамъ“³⁾). Какъ выяснится ниже, лично В. С. Ланского нельзя упрекать въ „подобострастномъ угожденіи полякамъ“, но въ виду тогдашняго направленія нашей политики въ отношеніи поляковъ онъ не могъ дѣйствовать согласно со своими взглядами.

Современники описываемой эпохи и позднѣйшіе изслѣдователи сходятся въ выводѣ, что большинство населенія герцогства (кромѣ совершенно безгласныхъ въ то время крестьянъ) и въ частности Варшавы было настроено тогда очень враждебно по отношенію къ русскимъ. Не успѣла варшавская депутація вручить Милорадовичу городскіе ключи, какъ въ городѣ распространились слухи о малочисленности русскаго отряда и полномъ отсутствіи въ немъ пѣхоты, распущенные съ цѣлью вызвать волненіе противъ русскихъ. Чтобы убѣдить варшавянъ въ ложности этихъ слуховъ, Милорадовичъ сталъ каждый день устраивать въ главной своей квартирѣ въ подгородномъ селеніи Виляновѣ парады, привлекавшіе много зрителей.

Въ февралѣ отрядъ Милорадовича удалился изъ-подъ Варшавы и послѣдовалъ въ Германію, а въ Варшавѣ остался небольшой русскій гарнизонъ. Когда въ маѣ 1813 г. получились извѣстія о нашихъ неудачахъ подъ Люцепомъ и Бауцепомъ, въ Варшавѣ произошли направленные противъ русской власти беспорядки. Тогда Ланской обратился за помощію къ Паскевичу, блокировавшему въ то время крѣпость Модлинъ (въ 40 верстахъ отъ Варшавы, нынѣ Новогеоргіевскъ). Будущій князь Варшавскій, въ ту пору молодой генераль, поспѣшилъ въ Варшаву съ однимъ батальономъ и 4 орудіями, и населеніе города успокоилось. Послѣ этого русскій гарнизонъ въ Варшавѣ былъ усиленъ. Въ іюнѣ 1813 г. въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ расположился корпусъ генерала Брозина, входившій въ составъ резервной арміи князя Лобанова-Ростовскаго, а въ августѣ 1814 г. вступилъ въ Варшаву съ войсками, возвращаясь изъ Парижа, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и пробылъ здѣсь до марта 1815 г., когда послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, онъ былъ вызванъ государемъ за-границу. Фельдмаршалъ занималъ квартиру въ Брюловскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ и Ланской.

Находясь въ Варшавѣ, Барклай-де-Толли составилъ „Инструкцію для войскъ“, которая считается первымъ произведеніемъ печати, напечатаннымъ въ Варшавѣ на русскомъ языкѣ гражданскимъ шрифтомъ.

Поляки, участвовавшіе въ походѣ Наполеона на Россію, отнеслись къ русскимъ въ 1813 г., какъ сказано выше, очень недружелюбно, но съ теченіемъ времени ихъ отношеніе къ намъ стало измѣняться. Князь А. Чарторыйскій, симпатіи котораго въ 1811 и въ 1812 годахъ, несмотря на его прежнюю близость къ императору Александру, были на сторонѣ Наполеона, а не Александра, въ декабрѣ 1812 года обратился съ письмомъ къ Новосильцову, въ которомъ доказывалъ

³⁾ А. К. Пузыревскій „Польско-русская война 1831 г.“ СПб. 1890 г. стр. 6.

необходимость возстановленія Польши для пользы Россіи и для окончательнаго нашего торжества надъ Наполеономъ ⁴⁾.

Въ февралѣ 1813 года Чарторыйскій пріѣхалъ въ Калишъ въ императорскую квартиру, откуда прибылъ въ Варшаву въ качествѣ члена временнаго верховнаго совѣта и повелъ здѣсь дѣятельную агитацію въ пользу Россіи. Въ Варшавѣ распространялись вѣсти о расположеніи государя къ полякамъ, въ варшавскомъ саду „Новая Голландія“ былъ выставленъ бюстъ государя, причемъ зрителямъ сообщались свѣдѣнія изъ жизни императора. По случаю прибытія въ Варшаву въ сентябрѣ 1814 года цесаревича Константина Павловича, подъ командой котораго пришли вмѣстѣ съ русскимъ гвардейскимъ отрядомъ (по батальону Литовскаго и Финляндскаго полковъ, дивизіонъ Уланскаго полка и полубатарея гвардейской конной артиллеріи) польскія войска, предавшіяся русскому государю послѣ взятія нами Парижа, въ Варшавѣ появилась на латинскомъ языкѣ ода, прославляющая цесаревича ⁵⁾. За нѣсколько дней до прибытія великаго князя фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, объявляя объ ожидаемомъ вступленіи подъ командой цесаревича польскихъ войскъ въ Варшаву, предписалъ начальникамъ отдѣльныхъ частей внушить всѣмъ подчиненнымъ „о дружественномъ отношеніи и обращеніи съ сими войсками“ ⁶⁾.

Приходъ въ Варшаву польскихъ войскъ подъ командой цесаревича послужилъ въ глазахъ варшавянъ осязательнымъ подтвержденіемъ даннаго государемъ въ Парижѣ обѣщанія, что „польская армія сохранитъ свое устройство“, и что командовать ею будетъ цесаревичъ. Поляки убѣдились изъ этого и изъ другихъ фактовъ, что императоръ Александръ I склоненъ исполнить польскія желанія и увидѣли изъ образа дѣйствій русскихъ властей, что слова обращеннаго къ жителямъ герцогства варшавскаго предвозвѣщенія: „Вы опасаетесь мщенія. Не бойтесь. Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ“,—сбываются. Вслѣдствіе этого и зная объ обѣщаніи возстановить Польшу, которое государь далъ Костюшкоу въ Парижѣ, поляки стали сблизаться съ русскими. Члены, такъ называемой, русской партіи съ А. Чарторыйскимъ во главѣ, планы которой требовали, чтобы поляки въ это время не выказывали ненависти къ Россіи, усердно поддерживали слухи о великодушіи государя и милостивомъ и ласковомъ обращеніи его съ поляками въ Парижѣ и во время проѣздовъ черезъ герцогство варшавское. 1814 годъ,—говоритъ графъ Скарбекъ въ своей „Исторіи герцогства варшавскаго“,—былъ для поляковъ временемъ перехода отъ сомнѣній къ надеждамъ; въ концѣ этого года въ польскомъ обществѣ распространилась латинская ода „Ad congressum vindobonensem“, заканчивавшаяся слѣдующими стихами:

Если онъ (Александръ) былъ въ состояніи возвратитъ всей Европѣ ея права,
Отчего онъ не могъ-бы возвратитъ права одному только народу?

⁴⁾ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ Н. К. Шильдера т. III СПб. 1897 стр. 381.

⁵⁾ Стихотвореніе это было написано ксендзомъ С. Урдой.

⁶⁾ Вс. Вл. Крестовскій „Исторія лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Императорскаго Величества полка“ стр. 78.

Рѣшено, повѣрте! Возстаетъ воскресная Польша!

Александръ не умѣетъ нарушать свое слово ⁷⁾.

Агитація Чарторыйскаго имѣла успѣхъ: русская партія росла. Какъ ни велико было увлеченіе поляковъ Наполеономъ, но они не были удовлетворены имъ и создавшимъ имъ герцогствомъ. Это недовольство герцогствомъ выразилось, напримѣръ, въ популярномъ въ свое время стихотвореніи Мольскаго. Вотъ начало этого стихотворенія :

W xięstwie panuje król niemiec,
 Polak w kraju cudzoziemiec.
 Żołnierz polski, pieniądz pruski,
 Rząd w kraju, kodex francuzki ⁸⁾.

Далѣе въ этомъ стихотвореніи говорится, что чиновники дерутъ шкуры съ разоренныхъ братьевъ, что крестьяне бѣдствуютъ и что польскихъ солдатъ заставляютъ ходить въ чужія страны и жертвовать жизнью за чужое дѣло. Оно оканчивается восклицаніемъ: „да здравствуетъ возстановленная Наполеономъ Польша, но гдѣ она — знаетъ одинъ чортъ!“

Увидѣвъ, что Наполеонъ палъ, и что первенствующее положеніе въ Европѣ приобрѣла Россія, поляки стали охлаждать къ Бонапарту. Но, становясь въ ряды русской партіи, большинство надѣялось сдѣлать Россію безпрекословной исполнительницей польскихъ плановъ, и преданность, которую стали выказывать тогда поляки императору Александру I, имѣла весьма условный характеръ, а если среди тогдашнихъ польскихъ руссофиловъ были люди, искренно преданные Россіи, какъ, напр., Заіончекъ, а также небольшой кружокъ славянофиловъ, образовавшійся въ Варшавѣ въ началѣ этого вѣка, то число такихъ людей было очень невелико. Русско-польскому сближенію значительно содѣйствовало то, что русскіе относились къ полякамъ иначе, чѣмъ ихъ недавніе „избавители“ французы, которые смотрѣли на нихъ, какъ на варваровъ, и обращались съ ними высокомерно и дерзко. К. Козьянъ, польскій дѣятель начала этого столѣтія, говоря въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ объ отношеніи французовъ къ полякамъ, передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ: „Когда французскія войска вошли въ Варшаву, епископъ Вороничъ, славившійся въ то время ученостью и краснорѣчіемъ, находился въ домѣ кастелянши Поляницкой; увидавъ въ окно, что французскіе солдаты поставили ружья въ козлы и грѣются, хлопая рука объ руку, епископъ указалъ хозяйкѣ на солдатъ, сказавъ, чтобы она выслала имъ угоденіе, а самъ заторопился домой, чтобы и отъ себя послать угоденіе французамъ; явившись домой, епископъ, къ своему удивленію, увидалъ, что въ его домѣ хозяйничаютъ французы и что на его постели лежитъ французскій офицеръ въ мокромъ платьѣ и грязныхъ сапогахъ; Вороничъ до того растерялся, что сталъ извиняться передъ французами за то, что его не было дома, вслѣдствіе чего онъ не могъ принять „избавителей“, какъ подобаетъ гостеприим-

⁷⁾ Напечатано на отдѣльномъ листѣ безъ подписи автора.

⁸⁾ Въ герцогствѣ царствуетъ король-пѣмецъ, полякъ у себя на родинѣ — чужеземецъ, войско — польское, деньги — прусскія, правительство — мѣстное, а кодексъ — французскій.

ному хозяину; „что — крикнулъ лежавшій на кровати офицеръ, — я здѣсь хозяинъ, а ты мой слуга; снимай сапоги!“ и растерявшійся старикъ-епископъ, какъ потомъ со слезами на глазахъ самъ рассказывалъ, тѣми самыми руками, которыми приносится безкровная жертва, вынужденъ былъ снять забрызганные грязью сапоги этого безбожника“⁹⁾. Подобныхъ свидѣтельствъ можно привести немало.

Отношеніе русскихъ къ полякамъ вслѣдствіе общаго характера тогдашней нашей польской политики и многочисленныхъ настойчивыхъ напоминаній императора, чтобы войска обращались съ поляками „какъ съ братьями“, было инымъ. Характеризуя отношеніе къ полякамъ нашихъ офицеровъ, Ф. Н. Глинка, бывшій въ Варшавѣ въ 1813 и въ 1814 годахъ, замѣчаетъ: „Щедрость нашихъ офицеровъ особенно удивительна; въ трактирахъ сыплютъ деньги: приходитъ, напримѣръ, старикъ съ дочерью, онъ играетъ на скрипкѣ, она — поетъ, — и куча серебра очутилась передъ ними! Приходитъ бѣдная монахиня и проситъ, чтобы ей заказать какую-либо работу, и ротмистръ Милорадовичъ даетъ ей тысячу рублей и велитъ шить себѣ три манишки“¹⁰⁾.

Тогдашнее русско-польское сближеніе преимущественно выражалось въ балахъ и пирахъ, на которыхъ сходились обѣ стороны и братались за бутылками вина. Балы и пиры слѣдовали одинъ за другимъ. Новый 1815 годъ былъ встрѣченъ въ Варшавѣ очень шумно.

В. С. Ланской перѣдко устраивалъ парадные приемы. Графиня А. Потоцкая называетъ въ своихъ „Мемуарахъ“¹¹⁾ Ланского благороднымъ, по невоспитаннымъ человѣкомъ съ татарскою наружностью¹²⁾, и упрекаетъ его за то, что онъ велъ себя, какъ сатрапъ. Въ доказательство послѣдняго она приводитъ только одинъ фактъ, а именно, что онъ позволялъ себѣ курить при дамахъ. Судя по ея словамъ, онъ и его жена не пользовались успѣхомъ въ польскомъ обществѣ, на долю-же Новосильцова вначалѣ выпали большіе успѣхи въ варшавскихъ салонахъ. Въ то время въ числѣ русскихъ находился въ Варшавѣ С. Л. Пушкинъ, отецъ гениальнаго поэта, учившагося тогда въ царскосельскомъ лицейѣ. С. Л. занималъ должность управляющаго комиссаріатскою комиссіею резервной арміи; онъ бывалъ въ польскихъ домахъ, но въ душѣ, подобно многимъ русскимъ, относился къ полякамъ съ недовѣріемъ.

Какъ извѣстно, намѣренія императора Александра I относительно поляковъ встрѣтили на вѣнскомъ конгрессѣ сильное противодѣйствіе со стороны европейскихъ державъ. Дѣло дошло до того, что императоръ рѣшилъ силой оружія поддержать свои требованія и уже приготовилъ воззваніе къ польской арміи, но путемъ взаимныхъ уступокъ было достигнуто соглашеніе, и варшавское герцогство, за исключеніемъ познанской области, присоединенной къ Пруссіи, Кракова, объяв-

9) „Pamiętniki“ Kajetana Koźmiana т. II стр. 149.

10) „Письма русскаго офицера“ Ф. Н. Глинки М. 1870 стр. 90 — 91.

11) „Mémoires de la comtesse Potocka“ Paris 1898 стр. 364 — 367.

12) Судя по изображенію Ланского на приводимой ниже медали, поднесенной ему Варшавою, онъ вовсе не имѣлъ татарскаго облика.

леннаго вольнымъ городомъ, и Велички, возвращенной Австріи, отошло къ Россіи; кромѣ того, Австріи была уступлена тарнопольская область, принадлежавшая съ 1809 г. Россіи и населенная преимущественно русскими галичанами. Въ концѣ апрѣля 1815 г. предсѣдатель сената варшавскаго герцогства, Островскій, получилъ письмо отъ императора. Государь извѣщалъ о возстановленіи Польши подъ названіемъ Царства Польскаго съ присоединеніемъ къ Россіи, обѣщая даровать полякамъ конституцію. Немедленно было объявлено объ этомъ жителямъ Царства Польскаго, а 13 мая было обнародовано объ образованіи Царства въ *Русскомъ Инвалидѣ*, причемъ воздапа похвала польской храбрости и благородству и сказано, что поляки вполне достойны милостей императора Александра I.

Предсѣдатель временнаго верховнаго совѣта В. С. Ланской, подававшій въ 1814 году государю записку, въ которой высказывался противъ образованія конституціоннаго и автономнаго Царства Польскаго, написалъ послѣ объявленія о созданіи Царства императору письмо. Въ этомъ письмѣ говорилось, что образованіе Царства не вызвало въ полякахъ должной благодарности, и высказывалось опасеніе, что „въ формируемомъ (польскомъ) войскѣ питаемъ мы змій, готоваго всегда излить на насъ ядъ свой“¹³⁾. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, очень любившій польскую армію и высказывавшійся за сохраненіе ея, былъ, однако, подобно Ланскому, противъ конституціоннаго устройства Царства, какъ и Новосильцовъ, подававшій въ 1813 году черезъ Арапчаева государю записку объ организаціи варшавскаго герцогства и представившій императору по тому-же вопросу докладъ въ сентябрѣ 1814 г. при проѣздѣ государя черезъ Брестъ на вѣнскій конгрессъ. Такъ относились къ образованію Царства Польскаго главные русскіе дѣятели того времени въ Варшавѣ. Что же касается поляковъ, то и они не были довольны созданнымъ государемъ Царствомъ Польскимъ, потому что желали видѣть Польшу въ границахъ 1772 года. Но недовольство руководителей польской политики исходомъ вѣнскаго конгресса смягчалось надеждой, что они раньше или позже добьются присоединенія къ Царству Польскому земель, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой до 1772 г. Вслѣдствіе этого польскіе вожди сдерживали свое недовольство и старались казаться преданными русскому государю. Въ частности Чарторыйскій оставался вѣренъ принятому имъ съ конца 1812 г. образу дѣйствій еще потому, что питалъ надежду занять постъ намѣстника Царства Польскаго и на этомъ вліятельномъ посту достигнуть завѣтныхъ польскихъ цѣлей.

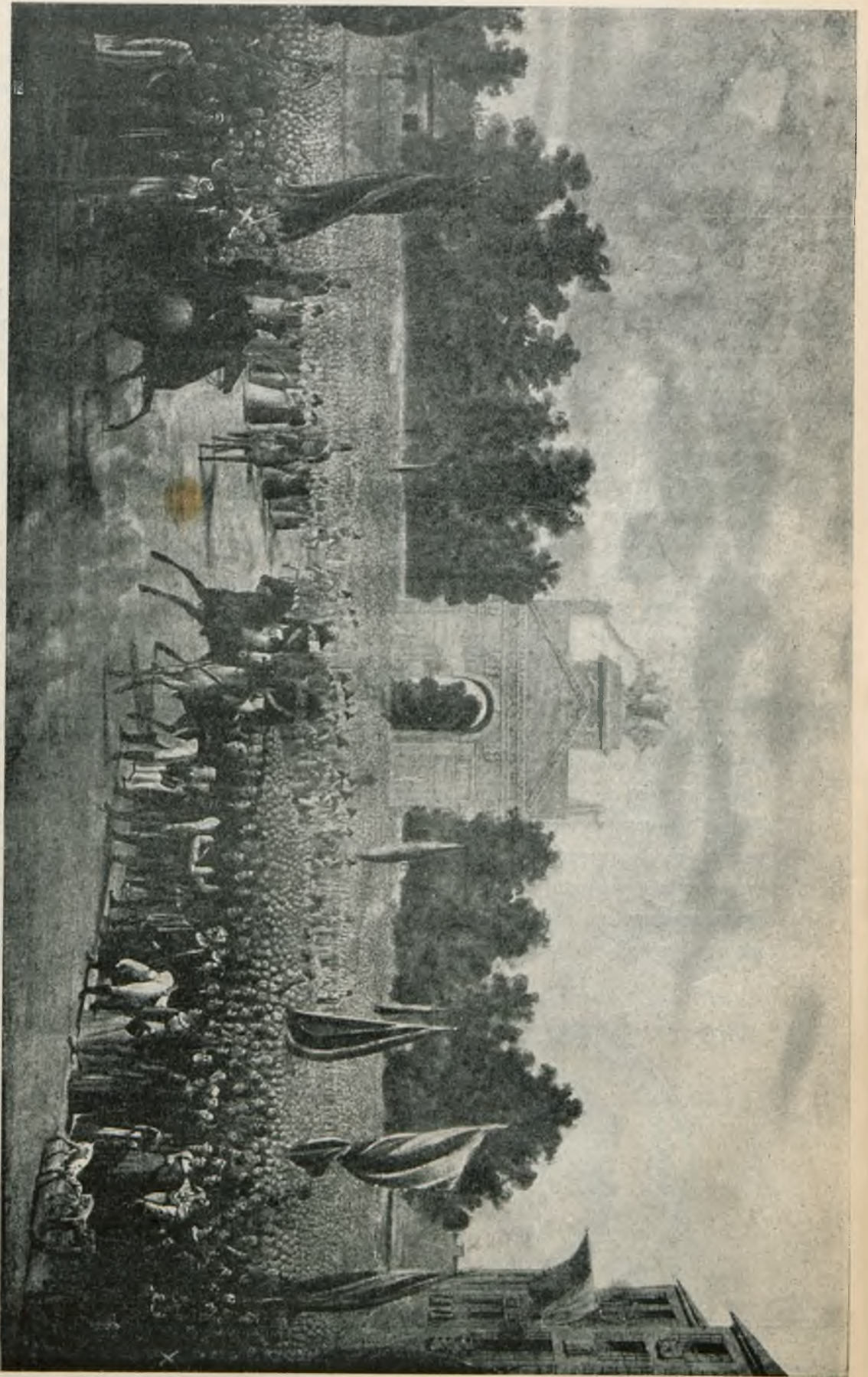
¹³⁾ Письмо В. С. Ланского было напечатано въ первомъ томѣ *Русскаго Архива* 1863 г. (стр. 839) и неоднократно цитировалось разными авторами.

II.

8 (20) іюня 1815 г. въ Варшавѣ состоялось торжественное провозглашеніе герцогства варшавскаго Царствомъ Польскимъ. За нѣсколько дней до этого торжества было объявлено отъ имени короля саксонскаго, герцога варшавскаго, объ освобожденіи населенія герцогства отъ принесенной герцогу присяги. Утромъ 8 іюня въ кафедральномъ костелѣ св. Яна, куда собрались всѣ власти и представители высшаго варшавскаго общества, варшавскій католическій архіепископъ совершилъ богослуженіе, по окончаніи котораго былъ прочтенъ манифестъ, возвѣщавшій объ образованіи Царства Польскаго и общавшій конституцію. Послѣ чтенія манифеста членъ временнаго верховнаго совѣта герцогства варшавскаго Ваврецкій сказалъ рѣчь. Эта рѣчь, напечатанная тогда въ Варшавѣ, какъ на польскомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ, прославляла императора Александра и его великодушіе. По окончаніи рѣчи Ваврецкаго онъ, Ланской, Новосильцовъ, Чарторыйскій и Любецкій-Друцкій, облеченные на день этого торжества званіемъ намѣстниковъ, причемъ Ланской именовался первымъ намѣстникомъ, подошли къ устроенному въ костелѣ трону и, ставъ на ступени его, приняли присягу на вѣрность императору Александру отъ находившихся въ костелѣ лицъ. Въ это время къ правительственнымъ зданіямъ въ городѣ прикрѣплялись гербы Царства—бѣлые одноглавые орлы. По окончаніи торжества въ костелѣ, намѣстники отправились на прилегающее къ Варшавѣ Вольское поле, гдѣ находился въ лагерѣ съ войсками великій князь Константинъ Павловичъ. Польское войско принесло здѣсь присягу на вѣрность императору Александру, а затѣмъ былъ произведенъ парадъ, послѣ котораго въ замкѣ состоялся торжественный обѣдъ. Вечеромъ

Снимокъ въ дѣйствительную величину съ медали въ память образованія Царства Польскаго.

Въездъ императора Александра I въ Варшаву въ 1815 году.

(Съ картины Варена, находившейся въ варшавскомъ городскомъ казначействѣ. Симонъ ельманъ не съ картины, поверженной отъ времени, а съ литографированной копии ея).

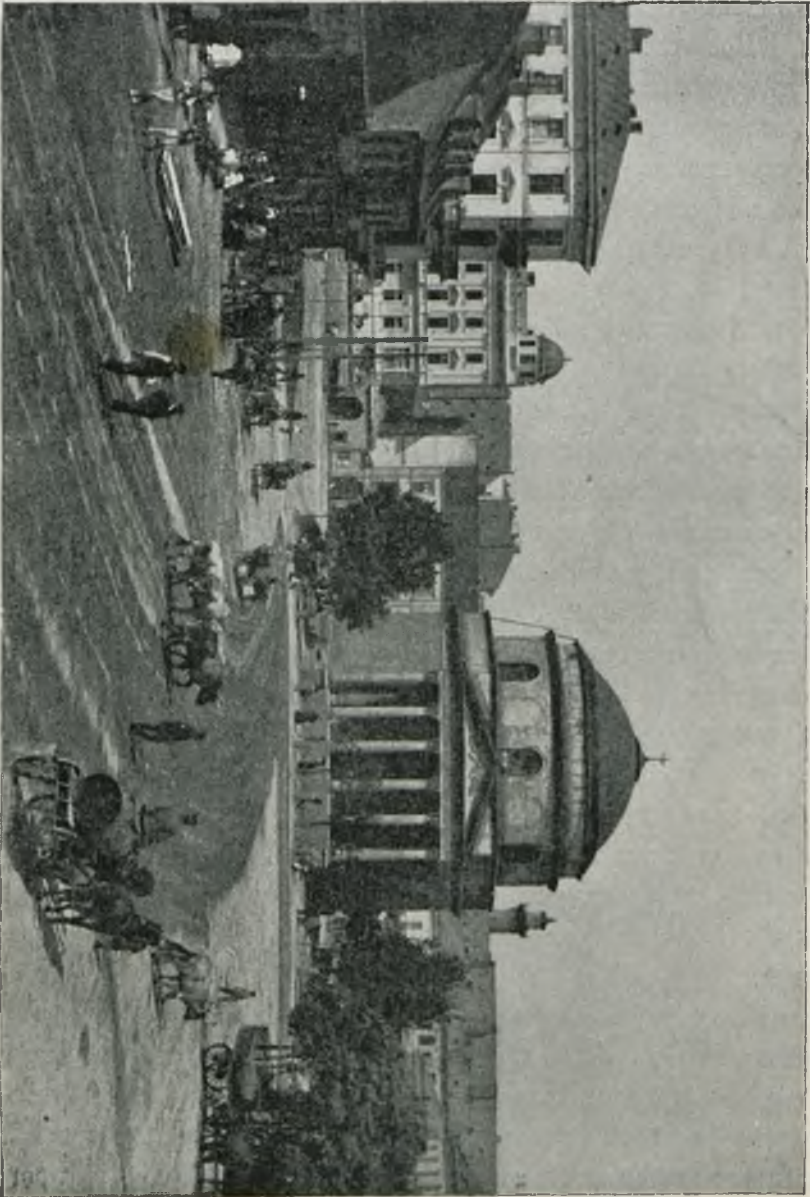
въ театрѣ давали бесплатное представленіе. Передъ началомъ представленія на сценѣ былъ выставленъ бюстъ государя и исполнена приличнаго случая кантата.

Временный верховный совѣтъ герцогства прекратилъ съ 8 іюня 1815 г. свое существованіе, и его мѣсто заняло временное правительство Царства Польскаго, состоявшее изъ предсѣдателя Ланскаго и членовъ: Новосильцова, Чарторыйскаго, Вавржецкаго и Любецкаго-Друцкаго.

Это правительство дѣйствовало до декабря 1815 г., когда вошла въ силу конституція. Временное правительство, считая себя калифомъ на часъ, мало проявляло свою дѣятельность; зато цесаревичъ Константинъ Павловичъ энергично работалъ въ это время, формируя польскую армію изъ наполеоновскихъ польскихъ легионовъ и старался къ ожидавшемуся осенью пріѣзду государя въ Варшаву представить ее въ полномъ блескѣ. Деньги на оружіе, одежду и продовольствіе польскихъ войскъ отпускались не изъ казначейства Царства, а изъ суммъ Имперіи.

Возвращаясь изъ-за границы, въ концѣ октября государь прибылъ въ пограничный городъ Калишъ. Въ Калишѣ императоръ надѣлъ въ первый разъ польскій мундиръ и звѣзду Бѣлаго Орла. Конституція для Царства Польскаго въ это время не была еще выработана, и поляки знали, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не сочувствовалъ введенію ея, относясь отрицательно къ конституціоннымъ порядкамъ вообще; знали, что Ланской и Новосильцовъ тоже противятся введенію въ Царствѣ Польскомъ конституціи. Чтобы парализовать вліяніе царевича, Ланскаго и Новосильцова, руководители поляковъ рѣшили принять государя въ Варшавѣ самымъ торжественнымъ образомъ и убѣдить его въ своей безпредѣльной благодарности и преданности. Онъ въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, встрѣтившимъ его за заставой, окруженный русскими и польскими генералами. На площади Трехъ-Крестовъ, переименованной впослѣдствіи въ площадь св. Александра, были устроены триумфальныя ворота. Здѣсь находились представители власти, цехи и еврейскіе старшины. Президентъ города привѣтствовалъ государя рѣчью и вручилъ ему городскіе ключи. На мѣстѣ, гдѣ были устроены триумфальныя ворота, впослѣдствіи въ память перваго въѣзда императора Александра I въ Варшаву построены костель св. Александра.

Когда императоръ въѣзжалъ въ городъ, во всѣхъ костелахъ пачался звонъ, а съ городскихъ валовъ былъ произведенъ 101 выстрѣлъ. Съ площади Трехъ-Крестовъ государь прослѣдовалъ по улицѣ Новый Свѣтъ, по обѣимъ сторонамъ которой стояли войска, на Саксонскую площадь, гдѣ войска прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Отсюда онъ направился въ Замокъ. Дорога въ Замокъ была запружена народомъ и, по словамъ *Варшавской Газеты*, въ числѣ привѣтствовавшихъ находилось много ксендзовъ, которые благословляли императора. При входѣ въ Замокъ, государь былъ встрѣченъ представителями варшавскихъ властей. Государь вмѣстѣ съ ними отправился въ замковую католическую часовню, гдѣ была отслужена обѣдня и пропѣто: „Te Deum laudamus“. Затѣмъ императоръ принималъ предсѣдателя сената Островскаго, благодарившаго отъ имени населенія Царства за оказанныя милости, и другихъ представителей мѣстной власти.

Первоначальный видъ костела Св. Александра.

Нынѣшній видъ костела Св. Александра.

Вечеромъ въ театрѣ было дано бесплатное представленіе, и весь городъ иллюминированъ. На Медовой улицѣ возвышался храмъ „Славы“, а на Краковскомъ Предмѣстьѣ храмъ „Благодарности“: внутри послѣдняго была поставлена статуя, изображавшая колѣнопреклоненную предъ алтаремъ женщину (Польшу); на алтарѣ лежали королевскія регалии. Во многихъ окнахъ горѣли транспаранты. Евреи выставили въ окнахъ дома управленія своей общины большой транспарантъ, изображавшій ковчегъ Ноя съ подлетающимъ къ ковчегу голубемъ съ оливковою вѣтвью. Подъ этимъ изображеніемъ была надпись:

Jak Bóg z potopu ziemię łaską oswobodził,
Tak dzisiaj świat Alexander na nowo odrodził ¹⁴⁾.

Поэтъ Молевскій привѣтствовалъ пріѣздъ государя стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ *Газетъ Варшавской* и начинавшимся такъ:

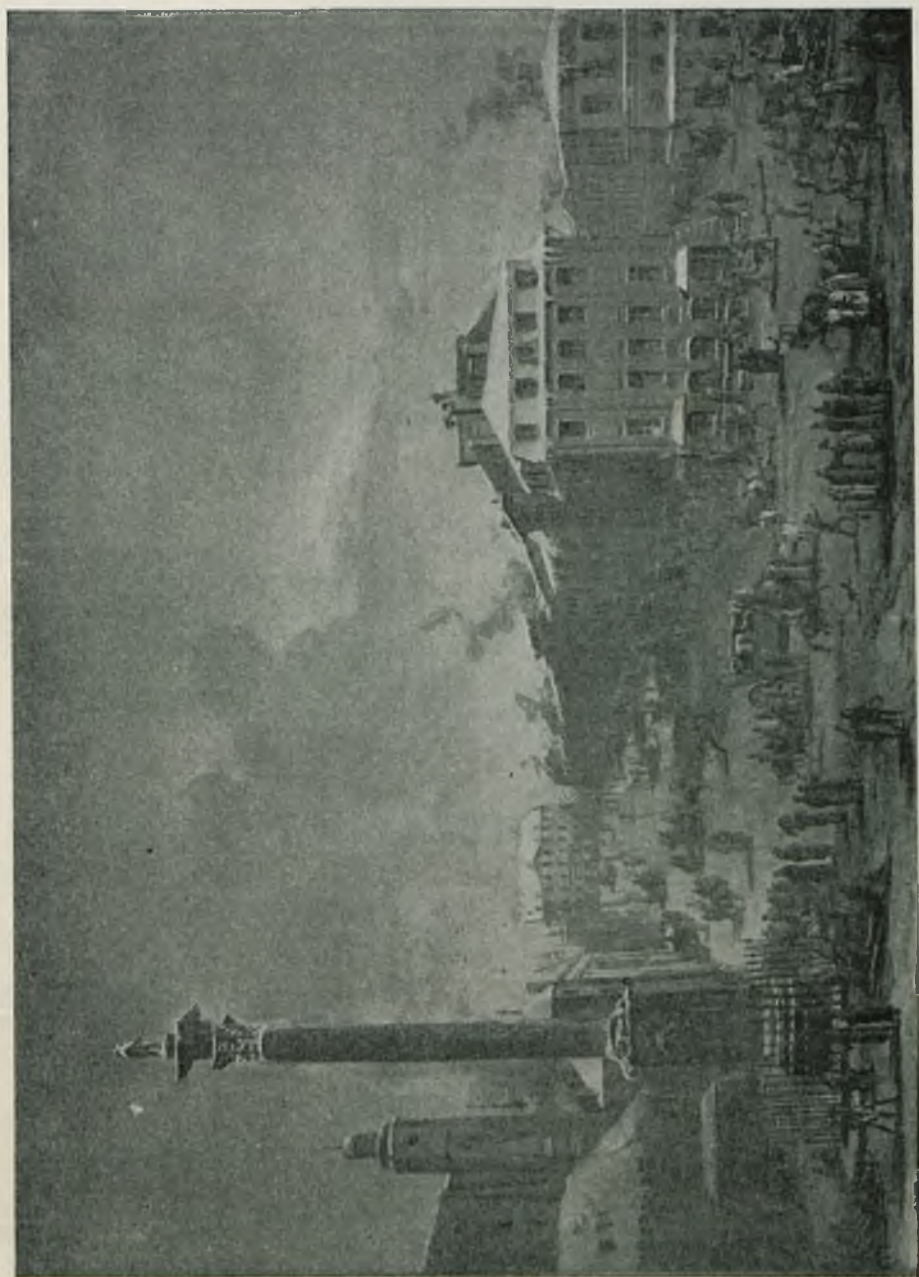
W nadziejach po długiej niepewności stanie
Witamy Cię z czułością, miłościwy Panie,
Dwukroć Polskę widziałeś, dziś po raz trzeci
Oglądasz, jak dobry Ojciec swoich dzieci ¹⁵⁾.

Помѣстивъ это стихотвореніе, *Газета Варшавская* напечатала по поводу прібытія императора и статью. Приводимъ начало и конецъ этой статьи, пропуская середину, заключающую описаніе вѣзда государя: „Нетерпѣливыя ожиданія нашего народа наконецъ исполнились въ памятный для поляковъ день 12 ноября (т. е. 31 октября по старому стилю). . . Надъ польскимъ войскомъ развѣвались знамена съ бѣлыми орлами. Полныя народа улицы, дома, украшенные вѣнками и цвѣтами, открытыя окна, въ которыхъ толпились женщины, — представляли собой величественное и трогательное зрѣлище. Мы увидѣли монарха прекрасной наружности въ польскомъ мундирѣ съ орденомъ Бѣлаго Орла. Мысль, что Александръ, коему мы обязаны возстановленіемъ нашего отечества, находится среди насъ, затрогивала самыя чувствительныя струны польскаго сердца. Послѣ долгихъ бѣдствій нашъ край и столица не могли принять своего монарха съ тою торжественностью и пышностью, съ конми его принимали богатая столицы, — мы же богаты лишь благодарностью и искренностью чувства. До поздней ночи монархъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Такъ окончился этотъ день, который останется памятнымъ навсегда въ нашей исторіи: день этотъ — новый краеугольный камень, на которомъ прочно будетъ почивать зданіе нашего отечества. Долго поляки возлагали надежды на войны и на побѣдителей; небо показало въ лицѣ императора Александра, что для возстановленія нашего отечества пужень былъ побѣдитель, исполненный добродѣтели. Побѣдитель возстановляетъ и охраняетъ государство, а добродѣтель даетъ народамъ блага и прочное существованіе“.

¹⁴⁾ Какъ Богъ своею милостью освободилъ землю отъ потопа, такъ нынѣ Александръ возродилъ міръ.

¹⁵⁾ Послѣ продолжительнаго состоянія неувѣренности, мы съ надеждами чувствительно привѣтствуемъ Тебя, всемилостивый Государь! Ты видѣлъ два раза Польшу, а нынѣ въ третій разъ посѣщаешь, какъ добрый отецъ, своихъ дѣтей.

Замковая площадь (безъ Замка) въ началѣ нынѣшняго столѣтія. (Изъ картинъ Зайцева).

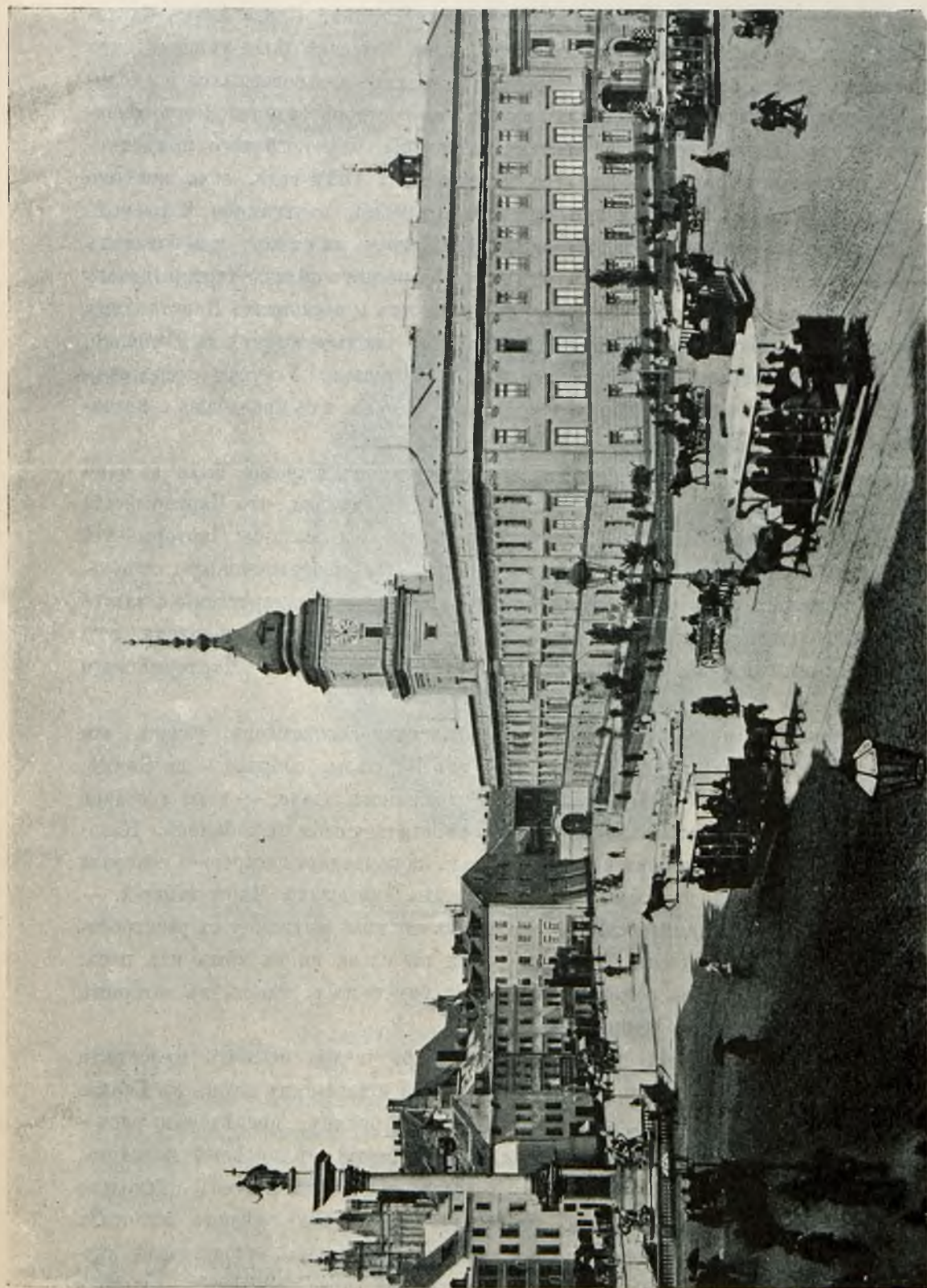
Во второй день пребывания государя въ Варшавѣ во всѣхъ костелахъ были отслужены благодарственные молебны съ колокольнымъ звономъ за благополучное прибытіе государя въ Варшаву, послѣ чего состоялся парадъ въ высочайшемъ присутствіи, а вечеромъ былъ балъ у Ланского. На слѣдующій день давали балъ Чарторыйскіе. Государь пробылъ въ Варшавѣ до 18 ноября, занимаясь составленіемъ конституціи. Пребываніе его представляло собой рядъ непрерывныхъ торжествъ.

Князь Адамъ Чарторыйскій.

(Изъ труда Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“).

Парады смѣнялись роскошными обѣдами, а обѣды блестящими балами. Изъ разныхъ концовъ Царства пріѣзжали въ Варшаву депутаціи представляться государю и благодарить его за припятіе титула польскаго короля и за воскрешеніе Польши. Пріѣзжала и литовская депутація съ княземъ Огинскимъ во главѣ. Эта депутація явилась въ Варшаву къ польскому королю Александру, а не въ Петербургъ къ всероссійскому императору, конечно, съ цѣлью показать неразрывность Литвы (сѣверо-западныхъ губерній) и Короны (Царства Польскаго). 15 ноября государь подписалъ конституціонную хартію, обнародованіе же ея было отложено до 12 декабря, дня

Нынѣшній видъ Замка и Замковой площади.

рожденія государя. Нужно было еще назначить намѣстника. Князь Адамъ Чарторыйскій всѣми силами добивался этого поста, и въ Варшавѣ были увѣрены, что намѣстникомъ будетъ онъ. Его мать княгиня Изабелла, пользовавшаяся расположеніемъ государя, дѣятельно хлопотала за сына, но государь уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта. Многие говорили противъ назначенія Чарторыйскаго намѣстникомъ. Если государь простилъ ему его поведеніе въ 1812 году, если невѣрно предположеніе, что до свѣдѣнія государя дошло письмо, написанное Чарторыйскимъ при первыхъ успѣхахъ Наполеона въ 1812 году къ одному изъ близкихъ къ Наполеону лицъ, то и въ такомъ случаѣ государь не могъ облекъ Чарторыйскаго званіемъ намѣстника Царства Польскаго, такъ какъ онъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, питая взаимную нелюбовь, не могли бы ужиться вмѣстѣ въ Варшавѣ, а государь твердо рѣшилъ оставить цесаревича въ Варшавѣ. Уступалъ всевозможнымъ желаніямъ поляковъ, государь не поддавался, однако, ихъ просьбамъ о назначеніи въ Варшаву не Константина, а Михаила Павловича.

Противъ назначенія Чарторыйскаго намѣстникомъ Царства были за одно съ цесаревичемъ и Ланской съ Новосильцовымъ. Они видѣли, что Чарторыйскій съ матерью образовали большую и сплоченную партію, и если-бы Чарторыйскій занялъ постъ намѣстника, эта партія пріобрѣла-бы неограниченную власть. Трудное положеніе, въ которое была поставлена русская государственная власть въ отношеніи поляковъ вслѣдствіе ошибочности нашей польской политики того времени, осложнилось-бы еще болѣе въ случаѣ назначенія Чарторыйскаго намѣстникомъ.

Вечеромъ 17 ноября большинство варшавскихъ сановниковъ, узнавъ, что государь рѣшилъ на слѣдующій день уѣхать изъ Варшавы, собралось въ Замкѣ. Пріѣхалъ и Чарторыйскій. Собравшіеся съ нетерпѣніемъ ждали, — кого государь назначитъ на постъ намѣстника. Императоръ работалъ у себя въ кабинетѣ. Наконецъ стало извѣстно, что выборъ императора палъ на кандидата цесаревича генерала Заіончека. „Обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ Чарторыйскій, — говоритъ Михайловскій-Данилевскій, — ходилъ въ эту ночь по дворцу съ разстроеннымъ видомъ, какъ изстуженный, и не говоря ни слова ни съ кѣмъ изъ насъ, русскихъ, находившихся въ комнатахъ передъ кабинетомъ государя, въ которомъ его величество занимался до ранняго утра“¹⁶⁾.

Во время пребыванія въ Варшавѣ государь щедро осыпалъ милостями поляковъ: поляки, находившіеся въ плѣну въ Россіи и взятыя въ плѣнъ въ Германіи и во Франціи возвращались, по его повелѣнію, на родину; послѣдовало распоряженіе о снятіи въ западныхъ губерніяхъ запрещеній съ помѣстій поляковъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона; государь назначилъ къ себѣ нѣсколько флигель-адъютантовъ изъ польскихъ офицеровъ и польскихъ дѣвицъ жаловалъ во фрейлины, раздавалъ ордена, многихъ знатныхъ поляковъ удостоивалъ личнымъ посѣщеніемъ. Всѣ эти милости и умѣнье государя привлекать къ себѣ

¹⁶⁾ „Записки 1814 и 1815 годовъ“ СПб. 1837 стр. 339.

людей личною обходительностью, однако, мало подкупали поляковъ. Польскія дамы, игравшія, какъ извѣстно, видную роль въ судьбѣ Польши, сравнивая императора Александра съ Наполеономъ, который относился деспотически къ полякамъ и обращался „по солдатски“ съ польскими аристократками, были очарованы, но

Князь Заіончекъ.

(Съ литографированнаго портрета работы Сливицаго).

свидѣтельству современницъ гр. Шуазель-Гуфье, кн. Чарторыйской, гр. Потоцкой и др., джентельменскою любезностью и обходительностью русскаго государя, но это очарованіе не мѣшало имъ сохранять прежнее нерасположеніе къ Россіи и всему русскому.

18 ноября утромъ государь оставилъ Варшаву. Торжественныхъ проводовъ не было. Если при вѣздѣ государя въ Варшаву чувство недовольства новымъ Царствомъ Польскимъ смѣшивалось въ полякахъ съ благодарностью и парализовалось надеждами на расширеніе границъ Царства, видомъ государя въ польскомъ мундирѣ и польской арміи, представившей въ полномъ блескѣ предъ императоромъ; если во время пребыванія государя въ Варшавѣ вслѣдствіе его любезности и расто-

чаемыхъ имъ милостей, были моменты, когда, казалось, что поляки или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, окончательно плѣнены государемъ, что чувство благодарности взяло перевѣсъ надъ недовольствомъ, то послѣ отъѣзда государя, напротивъ, перевѣсило недовольство. Чарторыйскіе и ихъ многочисленныя приверженцы и приверженицы были вооружены пазначеніемъ Заіончека, слышались жалобы на цесаревича, стали раздаваться жалобы и на Новосильцова, котораго поляки считали раньше единомышленникомъ Чарторыйскаго. „Вся страна (Царство Польское), — писалъ князь Адамъ Чарторыйскій государю въ концѣ 1815 года, — ожидаетъ и нетерпѣливо ждетъ того дня, когда сообразно съ основаніями конституціи всѣ безъ изъятія русскіе чиновники покинутъ страну“. Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ къ государю князь не стѣснялся рѣзко высказывать недовольство установившимся въ Царствѣ Польскомъ порядкомъ вещей и безпощадно нападалъ на намѣстника князя Заіончека. Онъ называлъ Заіончека человекомъ „безъ воли, безъ мнѣній“ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ государя, что образъ дѣйствій Заіончека могъ „истребить всѣ сѣмена чести, всякую идею законности, всякую возможность добра и сдѣлаетъ изъ конституціи, дарованной вами (т. е. государемъ), жалкую и бесполезную комедію“. Письма Чарторыйскаго къ государю конца 1815 года, а также 1816 и 1817 годовъ, доказываютъ, что онъ въ это время не терялъ надежды лишить Заіончека намѣстническаго поста, который стремился занять самъ. Но государь не поддавался вліянію его писемъ. Чарторыйскій видѣлъ это, и съ каждымъ годомъ становились рѣже письма его къ государю и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ годомъ росло разстояніе между друзьями юности, императоромъ Александромъ I и княземъ Чарторыйскимъ, между русскимъ государемъ и бывшимъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ послѣдній разъ Чарторыйскій писалъ государю въ 1823 году, когда онъ былъ вынужденъ оставить должность попечителя виленскаго учебнаго округа вслѣдствіе разоблаченія Новосильцовымъ тайныхъ обществъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа, а семь лѣтъ спустя онъ открыто сталъ во главѣ польскаго революціоннаго движенія, которое онъ, „некоронованный король Польши“, какъ его называли поляки, и его мать до того времени поддерживали тайно.

III.

Съ пазначеніемъ намѣстникомъ генерала Заіончека временное управление Царства (Ланской, Новосильцовъ, Чарторыйскій, Любецкій-Друцкій) закрыло свои дѣйствія. Ланской былъ отозванъ въ Петербургъ въ государственный совѣтъ. „Господинъ Ланской, — насмѣшливо замѣчаетъ по этому поводу гр. А. Потоцкая въ своихъ „Мемуарахъ“, — отправился управлять одной изъ губерній обширной имперіи (ужъ не знаю, подъ какимъ градусомъ широты) и, вѣроятно, тамъ оказался болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ Варшавѣ“¹⁸⁾. Надо полагать, что поляки вообще, подобно Потоцкой, проводили Ланского безъ сожалѣнія и благодарности, хотя при сложеніи имъ обязанностей предсѣдателя верховнаго совѣта герцогства варшавскаго „благодарная Варшава“ и поднесла ему медаль.

Снимокъ въ настоящую величину съ медали, поднесенной В. С. Ланскому¹⁹⁾.

Съ уходомъ Ланского главными представителями русской власти въ Царствѣ остались цесаревичъ Константинъ Павловичъ, какъ главнокомандующій польской арміей, и Новосильцовъ, назначенный императорскимъ комиссаромъ при польскомъ сеймѣ. Русскій гвардейскій отрядъ, приведенный въ Варшаву цесаревичемъ въ 1814 г. вмѣстѣ съ польскими легіонами и затѣмъ, послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, совершившій подъ командой цесаревича походъ за границу, былъ оставленъ при цесаревичѣ въ Варшавѣ. Въ приказѣ цесаревича отъ 22 ноября 1815 г. „въ польскую армію“ объ оставленіи въ Варшавѣ гвардейскаго русскаго отряда говорится слѣдующее: „Для скорѣйшаго изученія всего, что солдату

¹⁸⁾ „Mémoires“ стр. 382.

¹⁹⁾ Сирена — гербъ Варшавы. Надпись означаетъ: Благодарная Варшава. Ясно-вельможный Ланской, предсѣдатель верховнаго совѣта и генералъ-губернаторъ герцогства варшавскаго. Подобныя-же медали съ надписью „благодарная Варшава“ были поднесены членамъ временнаго верховнаго совѣта, а также фельдмаршалу Барклай-де-Толли при отъѣздѣ его изъ Варшавы въ 1815 году.

необходимо и для управления и усовершенствованія въ польской арміи всѣхъ частей службы, его императорское величество изволилъ оставить въ Варшавѣ російской лейбъ-гвардіи два баталіона и два эскадрона, для чего назначается нынѣ каждому кавалерійскому (польскому) полку изъ оныхъ лейбъ-гвардіи уланскихъ эскадроновъ по одному оберъ-офицеру, по два унтеръ-офицера и по восьми рядовыхъ, и каждому пѣхотному полку изъ оныхъ лейбъ-гвардіи баталіоновъ по одному оберъ-офицеру, по четыре унтеръ-офицера и по тридцать два рядовыхъ, которые и будутъ находиться при полкахъ польской арміи, будутъ служить во всѣхъ частяхъ примѣромъ и образцомъ и обязаны показывать весь обрядъ службы, какой заведенъ въ частяхъ російской лейбъ-гвардіи, и гг. начальники полковъ польской арміи приложить все возможное стараніе воспользоваться симъ даваемымъ средствомъ для усовершенствованія всѣхъ частей службы въ своихъ полкахъ“²⁰⁾. Въ концѣ 1817 г. составъ варшавскаго русскаго отряда измѣнился: квартировавшій въ Варшавѣ баталіонъ Литовскаго полка былъ переформированъ въ Литовскій полкъ, а изъ баталіона Финляндскаго полка былъ образованъ Волынскій полкъ, изъ двухъ же эскадроновъ Уланскаго полка — Уланскій и Подольскій кирасирскій полки; въ 1824 г. къ варшавскому русскому отряду былъ присоединенъ образованный тогда Гродненскій гусарскій полкъ. Сначала въ варшавскихъ русскихъ полкахъ служили исключительно русскіе, но скоро въ нихъ занялъ видное мѣсто польскій элементъ. Возвращавшіеся черезъ Варшаву изъ заграничныхъ госпиталей офицеры и нижніе чины нашей арміи должны были здѣсь представляться цесаревичу. Онъ выбиралъ изъ нихъ литовцевъ и поляковъ и оставлялъ ихъ въ Варшавѣ. Когда въ 1817 г. было приступлено къ развертыванію квартировавшихъ въ Варшавѣ русскихъ баталіоновъ и эскадроновъ въ полки, цесаревичъ, находясь въ Петербургѣ, выбралъ для варшавскаго отряда изъ петербургскихъ полковъ поляковъ и литовцевъ, уроженцевъ западныхъ губерній, и такой же выборъ произвелъ между выпускными воспитанниками кадетскихъ корпусовъ. Кромѣ того, съ теченіемъ времени въ варшавскій русскій отрядъ стало поступать юнкерами много поляковъ изъ уроженцевъ какъ Царства Польскаго, такъ и западныхъ губерній. Во всякомъ случаѣ за все время съ 1815 по 1830 г. большая часть офицеровъ варшавскаго русскаго отряда были русскіе. Кромѣ русскихъ гвардейскихъ офицеровъ въ Варшавѣ въ то время было нѣсколько казачьихъ офицеровъ, служившихъ въ находившемся въ Варшавѣ управленіи казачьихъ войскъ, замѣнявшихъ тогда нынѣшнюю пограничную стражу и охранявшихъ государственную границу.

Окружавшія цесаревича лица въ національномъ отношеніи представляли полное „смѣшеніе языковъ“: тутъ были русскіе (Новосильцовъ, Кривцовъ, Колзакъ и др.), нѣсколько поляковъ (Рожнецкій, графъ Красинскій и др.), грекъ Курута, англичанинъ Феншау, нѣмцы (напримѣръ, Даненбергъ, Нессельроде²¹⁾). Штатъ двора цесаревича, во главѣ коего были поставлены его любимецъ гофмаршалъ

²⁰⁾ А. Н. Маркграфскій. „Исторія лейбъ-гвардіи Литовскаго полка“. Варшава, 1887 г. Стр. 115.

²¹⁾ Рождественникъ извѣстнаго нашего канцлера. Онъ перешелъ на русскую службу изъ германской въ 1803 г. и былъ впоследствии (въ 40-хъ годахъ) начальникомъ варшавскаго жандармскаго округа.

двора и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба генераль Курута и шталмейстеръ генераль Жандръ, состоялъ преимущественно изъ русскихъ, въ штатѣ же варшавскаго королевскаго двора императора Александра было только двое русскихъ, занимавшихъ скромныя должности берейторовъ. Въ числѣ адъютантовъ цесаревича было нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, Военною канцеляріей цесаревича управлялъ русскій — Даниловъ, впоследствии сенаторъ; всѣ чиновники этой канцеляріи, числомъ до 20, были русскіе. Въ канцеляріи императорскаго комиссара при польскомъ сеймѣ Новосильцова преобладали русскіе. Для порученій по дипломатической части при цесаревичѣ находился чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Морепгеймъ, канцелярія котораго также состояла преимущественно изъ русскихъ; кромѣ того, русскіе служили въ находившейся въ Варшавѣ провіантской комиссіи литовскаго корпуса и въ комиссаріатскомъ комиссіонерствѣ варшавскаго русскаго гвардейскаго отряда. Число жившихъ тогда въ Варшавѣ русскихъ пополнялось еще нѣсколькими подрядчиками и купцами. Русскіе купцы, по преимуществу черниговскіе старообрядцы, издавна имѣли торговыя связи съ Варшавой и въ періодъ 1815—1830 годовъ здѣсь было около 15 лавокъ, торговавшихъ русскимъ товаромъ; изъ нихъ 5 — 6 принадлежали евреямъ, а остальные русскимъ.

Отношенія между русскими и поляками въ Варшавѣ въ первое время послѣ 1815 г. были сносныя, хотя извѣстно немало случаевъ русско-польскихъ столкновеній и дракъ русскихъ солдатъ съ польскими. Константинъ Павловичъ употреблялъ различныя мѣры, чтобы не допускать подобныхъ столкновеній и дракъ: для сближенія русскихъ и польскихъ солдатъ онъ приказывалъ устраивать для нихъ общія пирушки, главное же средство для урегулированія русско-польскихъ отношеній цесаревичъ, женившійся самъ въ 1820 г. на полькѣ, видѣлъ въ смѣшанныхъ бракахъ, и немало русскихъ вступало тогда въ браки съ поляками. Случаи же женитьбы поляковъ на русскихъ дѣвицахъ едва-ли бывали хотя-бы потому, что число русскихъ дѣвицъ въ то время въ Варшавѣ было не велико: въ русскомъ варшавскомъ обществѣ тогда еще въ большей степени, чѣмъ теперь, преобладалъ мужской элементъ. Законъ объ обязательномъ крещеніи въ православіе дѣтей, рожденныхъ въ здѣшнемъ краѣ отъ браковъ православныхъ съ иновѣрными, былъ введенъ въ 1838 г., до этого же года выборъ вѣроисповѣданій для дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ предоставлялся усмотрѣнію родителей, и часто дѣти, рожденные отъ браковъ православныхъ съ католичками, были крещаемы по католическому обряду. Въ настоящее время есть поляки-католики, носящіе вполне русскія фамиліи: Кочетовыхъ, Емельяновыхъ, Петровыхъ, Фоминыхъ и т. п. Это потомки русскихъ, женившихся на полякахъ въ эпоху 1815 — 1838 годовъ. Нѣкоторые лица русскаго происхожденія, ставъ католиками, измѣнили свои фамиліи: потомки русскаго купца старообрядца Соловьева называются теперь Грегоровичами. Бывали случаи, что выходившіе въ отставку солдаты русскаго варшавскаго отряда женились на полякахъ и затѣмъ переселялись съ женами изъ Варшавы въ разныя захолустья края, въ которыхъ не было ни православныхъ церквей, ни священниковъ, и, конечно, дѣтей отъ этихъ браковъ крестили всендзы по католическому обряду.

IV.

Вскорѣ послѣ отъѣзда государя изъ Варшавы въ 1815 г. возникла переписка объ устройствѣ въ Варшавѣ православной церкви. Было намѣчено нѣсколько пунктовъ. Между прочимъ, предполагалось занять подъ устройство церкви обветшавшее зданіе разорившагося монастыря доминиканъ-обсервантовъ, построеннаго на мѣстѣ прежней „московской часовни“, въ склепѣ которой былъ временно погребенъ умершій въ польскомъ плѣну царь Василій Шуйскій. Выждавъ моментъ, когда были въ отсутствіи главные противники устройства въ Варшавѣ православной церкви, какъ, напр., Чарторыйскій, Новосильцовъ настояль, чтобы совѣтъ управленія Царства Польскаго постановилъ уступить зданіе монастыря доминиканъ-обсервантовъ подъ устройство православной церкви. Намѣстникъ закрѣпилъ это постановленіе совѣта изданіемъ соотвѣтственнаго указа²²⁾. Но несмотря на участіе, которое принималъ въ этомъ дѣлѣ цесаревичъ, несмотря на хлопоты Новосильцова и тогдашняго варшавскаго коменданта генерала Левицкаго, этотъ указъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе противодѣйствія многихъ вліятельныхъ и власть имѣвшихъ поляковъ. На мѣстѣ упраздненнаго монастыря въ 20-хъ годахъ католическій архіепископъ Станицъ построилъ домъ, въ которомъ помѣстилось „Общество друзей науки“.

По однимъ свѣдѣніямъ въ 1814, а по другимъ въ 1815 году, была устроена въ замкѣ домовая православная церковь, переустроенная въ 1816 году. Иконостасъ съ надписью надъ царскими вратами „Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“ былъ взятъ для этой церкви изъ походной церкви императора Александра I, въ которой онъ молился во время походовъ 1812 — 1814 г. По воскреснымъ, праздничнымъ и табельнымъ днямъ въ замковой церкви всегда бывалъ цесаревичъ; сюда же являлись лица его свиты и высшіе чиновники, а отъ всѣхъ частей русскаго отряда посылались наряды, которые по окончаніи богослуженія собирались на Замковой площади и проходили церемониальнымъ маршемъ передъ цесаревичемъ.

Ежегодно 6-го января, въ день Богоявленія, происходилъ парадъ: русскіе полки становились шпалерами отъ Замка до берега Вислы, гдѣ устраивалась Юрдань для освещенія воды, и окроплялись штандарты и знамена. Кромѣ замковой церкви въ эпоху 1815 — 1830 годовъ была въ Варшавѣ еще одна православная,

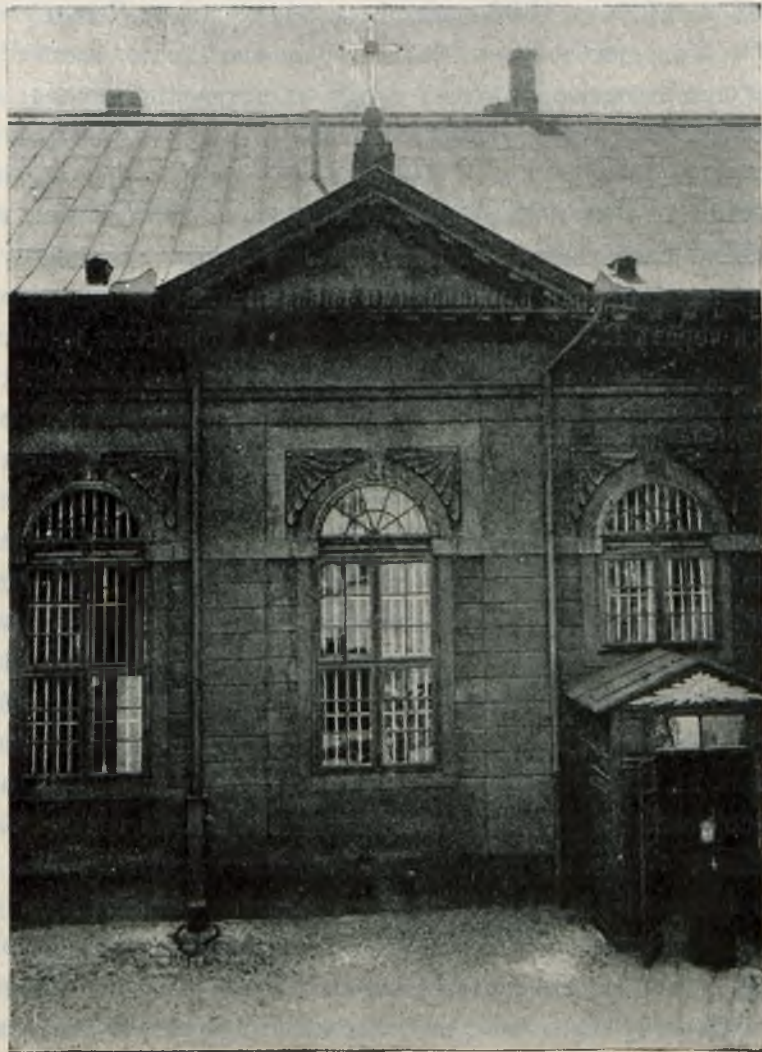
²²⁾ „Закрытіе варшавскаго монастыря доминиканъ-обсервантовъ“ Дм. Цѣтаева, орд. проф. Варш. Унив. Врш. 1898 стр. 45—46.

греческая. Греки стали селиться въ Варшавѣ въ концѣ XVII вѣка. Сначала польское правительство совсѣмъ не позволяло имъ устраивать церквей, а затѣмъ они получили разрѣшеніе устроить домовую церковь, но безъ колоколовъ и безъ креста на зданіи, въ которомъ она помѣщалась; кромѣ того, правительство Рѣчи Посполитой требовало, чтобы при церкви находились іеромонахи, а не священники изъ бѣлаго духовенства, и чтобы эти іеромонахи по книгамъ народонаселенія считались купеческими приказчиками.

Первоначально варшавская православная греческая церковь помѣщалась на Закрочимской улицѣ, а въ 1806 г. она была переведена на Козью улицу въ домъ грека Дадани ²³⁾ Съ переходомъ въ 1815 г. Варшавы подъ власть Россіи греки стали собирать пожертвованія въ своей средѣ на постройку церкви; они купили домъ на Подвальной улицѣ и во дворѣ его устроили церковь, освященную во имя Св. Троицы въ 1818 г. іеромонахомъ Павловскимъ, котораго прислалъ буковинскій архіепископъ Даніиль, и который былъ затѣмъ первымъ настоятелемъ ея. Церковь эта существуетъ до настоящаго времени. Ей принадлежитъ дорогая серебряная вызолоченная чаша, купленная варшавскими греками отъ французовъ во время бѣгства послѣднихъ черезъ Варшаву изъ Россіи; кромѣ этой чаши варшавскіе греки купили у французовъ много церковной утвари и церковныхъ облаченій.

До 1825 г. варшавская греческая церковь находилась въ вѣдѣніи буковинскаго православнаго архіепископа, а въ означенномъ году она перешла въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода и была подчинена минскому архіепископу, который назначилъ настоятелемъ ея священника Михѣя Пигулевскаго. Въ 1827 г. прихожанъ греческой варшавской церкви числилось 36 мужчинъ и 26 женщинъ. Одновременно съ подчиненіемъ варшавской греческой церкви и другихъ православныхъ церквей въ Царствѣ Польскомъ минскому архіепископу послѣдовалъ высочайшій указъ, чтобы правительственная комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства при участіи сенатора Новосильцова и командированнаго Святѣйшимъ Синодомъ лица вошла въ разсмотрѣніе вопроса, какія дѣла, касающіяся православной вѣры, должны подлежать суду минскаго архіепископа и какія гражданскимъ судамъ Царства Польскаго. Этимъ же указомъ было повелѣно отпускать изъ казны Царства Польскаго ежегодно 3600 руб. на содержаніе грекороссійскаго духовенства. Вскорѣ обнаружилось неудобство подчиненія церквей Царства минскому архіепископу, и въ концѣ 1827 г. эти церкви были подчинены епископу волынскому, какъ ближайшему къ Царству Польскому, и тогда же въ Царство былъ командированъ для обзрѣнія православныхъ церквей членъ московской синодальной конторы протопресвитеръ Успенскаго собора Дмитріевъ. Результатомъ его командировки явилось высочайше утвержденное 25 января 1829 г. положеніе о православныхъ церквахъ Царства. Этимъ положеніемъ была опредѣлена юрисдикція православнаго епископскаго суда въ Царствѣ, а также постановлено „для ближайшаго надзора

²³⁾ Въ 1814—15 годахъ настоятелемъ греческой церкви былъ полковой священникъ С. Подгорскій, а въ 16—17 годахъ полковой священникъ Боборыкинъ; раньше—іеромонахи, которыхъ прислалъ буковинскій архіепископъ.

Свято-Троицкая (б. греческая) церковь на Подвальной улицѣ.

за надлежащимъ порядкомъ въ церквахъ и духовенствѣ быть благочинному, который имѣеть пребывать въ Варшавѣ при Подвальной Свято-Троицкой церкви“.

По собраннымъ протопресвитеромъ Дмитріевымъ свѣдѣніямъ, „значилось тогда въ Царствѣ Польскомъ православныхъ приходскихъ церквей шесть и одинъ монастырь (Яблочинскій); при нихъ осѣдлыхъ прихожанъ, большею частью грековъ, было душъ обоего пола 416; сверхъ того, число ихъ умножалось инвалидными военными чинами, пограничнымъ казацкимъ войскомъ и лицами отставными, въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго жительствовавшими“²⁴). Такъ какъ въ 1826 г. умеръ упомянутый выше священникъ Михѣй Пигулевскій, то на его мѣсто волыпскій епископъ преосвященный Стефанъ отправилъ протоіерея бердичевской Успенской церкви Феофила Новицкаго, который вскорѣ послѣ своего прибытія въ Варшаву былъ назначенъ благочиннымъ церковей Царства Польскаго. Въ маѣ 1829 г., когда императоръ Николай I прибылъ въ Варшаву для коронаціи польскою короной, протоіерей Новицкій доложилъ статсъ-секретарю Тапѣеву о необходимости построить въ Варшавѣ православный соборъ. Тапѣевъ сдѣлалъ докладъ объ этомъ императору, и государь „положилъ твердую свою мысль соорудить приличный соборный храмъ и снабдить его всѣмъ, что только нужно“²⁵). Но исполненіе этого намѣренія было задержано вспыхнувшимъ въ 1830 г. польскимъ возстаніемъ.

Говоря о православныхъ церквахъ, упомянемъ кстати, что въ Варшавѣ находился униатскій базилианскій монастырь. Во второй половинѣ прошлаго вѣка у монастырской униатской церкви было до 5000 прихожанъ, но число ихъ изъ года въ годъ вслѣдствіе перехода въ католичество уменьшалось, и въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка въ Варшавѣ считалось не болѣе 1000 униатовъ. Большинство варшавскихъ униатовъ было сильно ополячено.

Отдѣльнаго православнаго кладбища до 1841 г. въ Варшавѣ не было. Для погребенія православныхъ, какъ грековъ, такъ и русскихъ, былъ отведенъ участокъ на лютеранскомъ кладбищѣ. Здѣсь похоронено нѣсколько десятковъ православныхъ и въ томъ числѣ настоятель Подвальной церкви Михѣй Пигулевскій и нѣкоторые офицеры изъ павшихъ при штурмѣ Варшавы въ 1831 году. Остальные убитые при штурмѣ погребены въ братскихъ могилахъ въ окрестностяхъ Варшавы. Православныхъ, у которыхъ есть на этомъ кладбищѣ семейные склепы, до сихъ поръ хоронятъ на немъ. Для погребенія старообрядцевъ было отведено мѣсто далеко за городомъ за предмѣстьемъ Прагой. Самая старинная могила изъ находящихся на этомъ кладбищѣ относится къ 1824 г.

Дѣти русскихъ варшавянянъ учились въ то время или дома подъ руководствомъ гувернеровъ, или же въ польскихъ училищахъ, въ которыхъ не пре-

²⁴) Лотоцкій. „Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи“. Почаевъ 1863 г. Стр. 168 и 169.

²⁵) Лотоцкій. „Церковно-историческое и статистическое и т. д.“ стр. 171. М. П. Устимовичъ въ своемъ очеркѣ „Варшавскій Православный Кафедральный Свято-Троицкій Соборъ (Врш. 1887) сообщаетъ, что императоръ Николай I въ 1829 году посѣтилъ Подвальную церковь, но Лотоцкій объ этомъ не упоминаетъ, а равно въ архивѣ церкви, по наведеннымъ справкамъ, указаній на это не оказалось.

подавался ни русскій языкъ, ни Законъ Божій для православныхъ. Составитель извѣстныхъ словарей Н. Макаровъ, привезенный въ Варшаву въ 20-хъ годахъ мальчикомъ и учившійся въ варшавскомъ училищѣ подпоручиковъ, рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что до 1827 года русскіе юнкера ходили въ воскресные и праздничные дни вмѣстѣ съ католиками въ костель, и что только съ 1827 г., по почину командира Волинскаго полка, ихъ стали посылать по воскресеньямъ и праздникамъ въ греческую церковь. „При выходѣ изъ училища, — говоритъ далѣе Макаровъ, — я превосходно зналъ польскій языкъ, но за то до того отвыкъ отъ своего родного языка, что дѣлалъ большія ошибки, говоря по русски, и постоянно употреблялъ полонизмы“²⁶⁾.

Вообще, русскій языкъ въ то время былъ въ Варшавѣ въ полномъ загонѣ. Официальнымъ языкомъ сношеній Царства съ Имперіей считался французскій, на французскомъ-же языкѣ императоры Александръ I и Николай I произносили рѣчи въ засѣданіяхъ сейма. Всѣ русскіе, жившіе тогда въ Варшавѣ, учились говорить по-польски и объяснялись съ поляками на польскомъ или на французскомъ языкѣ, поляки-же не считали нужнымъ учиться по-русски. Константинъ Павловичъ совершенно свободно владѣлъ польскимъ языкомъ. Высочайшіе манифесты печатались и объявлялись на одномъ польскомъ языкѣ. Только въ издававшихся въ Варшавѣ, по распоряженію цесаревича, военныхъ уставахъ и наставленіяхъ помѣщался на ряду съ польскимъ и русскій текстъ, потому что эти уставы и наставленія предназначались не только для польской арміи, но и для варшавскаго русскаго отряда, а также для литовскаго корпуса.

²⁶⁾ „Мои 70-лѣтнія воспоминанія“. Ч. IV. Стр. 110.

У.

Остановимся подробнѣе на личности цесаревича Константина Павловича, втораго сына императора Павла I. Онъ родился въ 1779 году. Въ то время его бабушка — императрица Екатерина Великая увлекалась потемкинскимъ проектомъ

возстановленія Византіи. Она предназначила своего поворожденнаго внука въ византійскіе императоры, а потому онъ былъ названъ Константиномъ и по той-же причинѣ на выбитой по случаю его рожденія медали изображенъ константинопольскій софійскій храмъ.

Снимокъ съ медали, выбитой по случаю рожденія великаго князя Константина Павловича.

Константинъ Павловичъ росъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Александромъ, воспитываясь подъ руководствомъ Лагарпа. И по наружности, и по характеру онъ во многомъ напоминалъ своего отца, имѣя мало общаго съ братомъ. Но какъ ни расходились характеры, а впоследствии и взгляды Константина и Александра Павловичей, они съ ранняго дѣтства до конца жизни были въ тѣсной

дружбѣ, и Константинъ Павловичъ, можно сказать, благоговѣлъ предъ личностью своего старшаго брата, а, когда послѣдній умеръ, предъ памятью его. Чувство благоговѣнія не мѣшало, впрочемъ, Константину Павловичу относиться критически къ дѣйствіямъ брата и иногда, давая волю своему остроумію, которымъ онъ былъ одаренъ, острить надъ нѣкоторыми дѣйствіями и увлеченіями брата. Писанныя Константиномъ Павловичемъ въ разное время письма къ близкимъ ему людямъ полны остротъ на злобы дня и даютъ интересный матеріалъ для характеристики его эпохи. Послѣ паденія Польши въ Петербургъ поселилось нѣсколько польскихъ аристократическихъ семействъ и немало поляковъ приблизилось ко двору. Въ то время, когда Александръ Павловичъ сблизился съ Адамомъ Чарторыйскимъ, Константинъ Павловичъ сошелся съ братомъ Адама Константиномъ Чарторыйскимъ, назначеннымъ къ нему въ адъютанты.

Императрица Екатерина Великая, желала, какъ извѣстно, видѣть своихъ внуковъ Александра и Константина женатыми при своей жизни и потому поторопилась женить ихъ: Константинъ Павловичъ женился 17 лѣтъ. Жена его была урожденная принцесса кобургская. Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ и неудаченъ.

Когда Константинъ Павловичъ находился въ 1799 г. въ итальянскомъ походѣ Суворова, жена его уѣхала къ родителямъ за-границу и не возвращалась болѣе въ Россію. Во время итальянскаго похода Константинъ Павловичъ перазъ выказывалъ личную храбрость, за что императоръ Павелъ даровалъ ему титулъ цесаревича. Въ 1803 году цесаревичъ сталъ хлопотать о разводѣ со своей женой, имѣя памѣ-

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

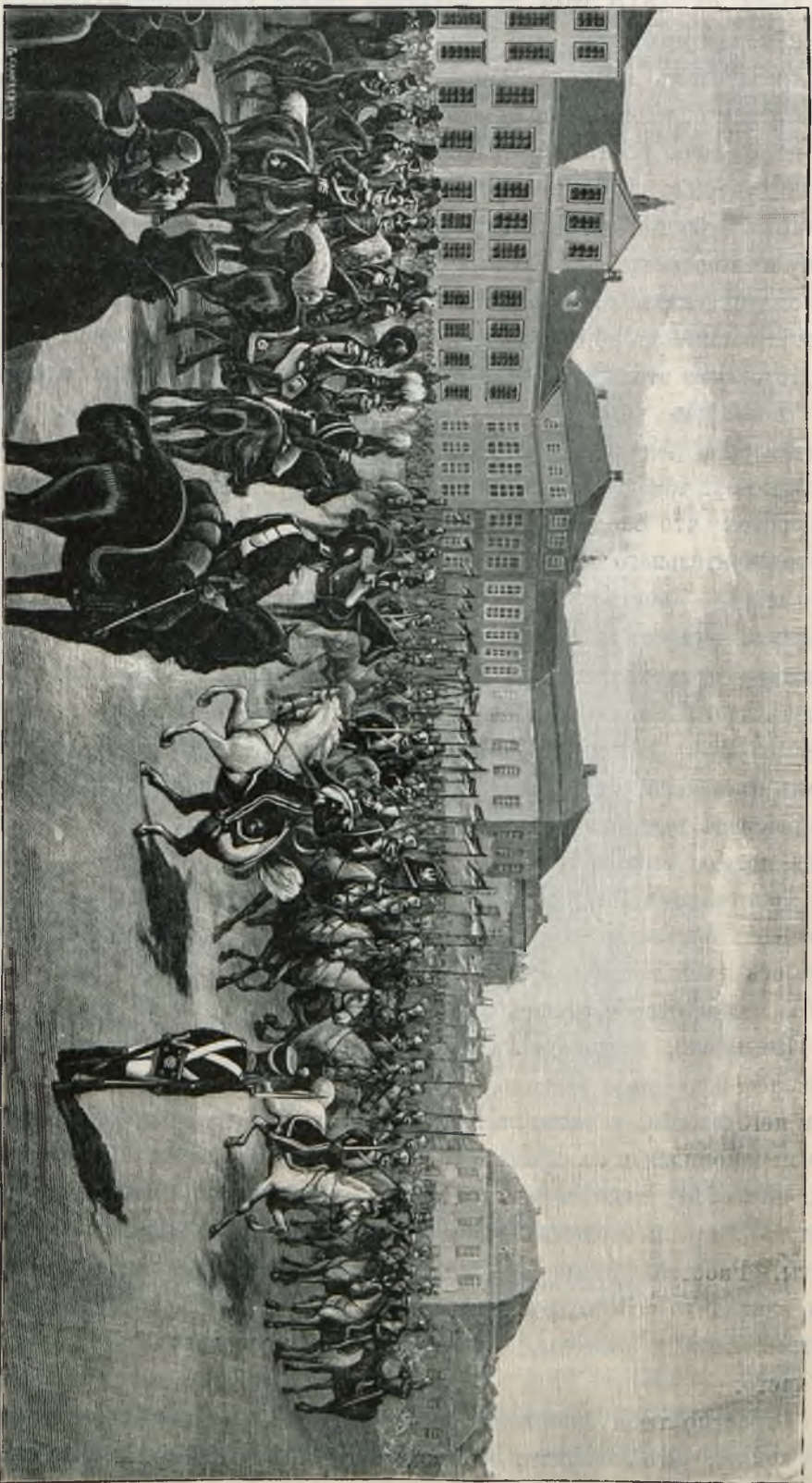
(Съ литографіи, сдѣланной съ портрета работы Беннера).

реніе жениться на полькѣ княжнѣ Четвертинской, но ни на разводѣ, ни на этотъ бракъ не послѣдовало согласія со стороны императрицы - матери Маріи Федоровны. Константинъ Павловичъ былъ противникомъ борьбы съ Наполеономъ, а, когда началась война 1812 года, примкнулъ къ русской партіи, желавшей, чтобы главнокомандующимъ вмѣсто Барклая-де-Толли, съ которымъ у цесаревича перазъ происходили рѣзкія столкновенія, былъ назначенъ Кутузовъ.

Нося съ 1815 года въ Варшавѣ званіе главнокомандующаго польской арміей и командира литовскаго корпуса, цесаревичъ являлся на дѣлѣ и гражданскимъ правителемъ Царства. Онъ былъ облеченъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ выражался самъ „властью вполнѣ диктаторскою и неограниченною“. Гражданская власть цесаревича распространялась не только на Царство Польское, но и на западныя губерніи. Кромѣ того, по многимъ дѣламъ, не касавшимся Царства и западныхъ губерній, императоръ Александръ I совѣтовался съ братомъ и присылалъ ему на просмотръ всѣ важныя бумаги, приказавъ также доставлять ему копіи съ дипломатическихъ документовъ и депешъ; на цесаревича-же возлагались разслѣдованія о тайныхъ обществахъ, появившихся тогда въ Россіи. Веденіе дѣлъ по разслѣдованію этихъ обществъ поручалось цесаревичемъ Новосильцову.

Пока живъ былъ намѣстникъ Царства Заіончекъ, гражданская власть цесаревича была мало замѣтна, такъ какъ всѣ распоряженія по гражданской части исходили не отъ цесаревича, а отъ Заіончека; но на дѣлѣ руководилъ всѣмъ цесаревичъ, потому что Заіончекъ, занявшій постъ намѣстника, по желанію цесаревича, безъ предварительнаго доклада цесаревичу не дѣлалъ ни одного болѣе или менѣе важнаго шага, — когда-же Заіончекъ умеръ, и постъ намѣстника былъ оставленъ вакантнымъ, цесаревичъ сталъ непосредственно управлять и гражданской, частью, не принимая однако званія намѣстника. Но гражданскими дѣлами Константинъ Павловичъ не особенно любилъ заниматься, будучи съ юныхъ лѣтъ горячо преданъ военной службѣ. Живя въ Варшавѣ, цесаревичъ вставалъ рано: зимою въ 6, а лѣтомъ въ 4 часа утра. На окнахъ у него стояло пять банокъ: одна съ ужемъ, который передъ дождемъ мутитъ воду, другая съ лягушкой, которая въ ожиданіи хорошей погоды выходитъ изъ воды, и т. п. Разбуженный своимъ камердинеромъ Фризе, Константинъ Павловичъ первымъ дѣломъ приказывалъ узнать, какую погоду предвѣщаютъ обитатели банокъ. Въ случаѣ предвѣщенія хорошей погоды утромъ назначалось ученіе войскамъ въ присутствіи цесаревича, если-же предвѣщалась дурная — полки освобождались отъ ученія, а цесаревичъ оставался заниматься дома. Ежедневно, несмотря на состояніе погоды, въ 9 час. утра онъ производилъ на Саксонской площади разводъ. Малѣйшая неисправность вызывала у него бурю гнѣва и негодованія, и часто за пустяки онъ строго наказывалъ: не щадя солдатъ, онъ не церемонился и съ офицерами, ставя ихъ въ наказаніе на мѣста рядовыхъ и т. п. Къ обѣду цесаревичъ приглашалъ обыкновенно дежурныхъ адъютантовъ и другихъ лицъ и любилъ, чтобы ему рассказывали во время обѣда смѣшныя анекдоты. Работалъ цесаревичъ много, каждый день принимая множество докладовъ и вникая во всѣ подробности столь любимаго имъ военнаго дѣла. Парады и смотры, какъ и разводы, были слабостью цесаревича и производились имъ очень часто.

Страстно любя фронтową службу, Константинъ Павловичъ былъ противникомъ войны: онъ говорилъ, что война портитъ духъ арміи. Не смотря однако на нерасположеніе къ войнѣ, въ дѣлахъ съ неприятеlemъ онъ, какъ упомянуто выше, отличался храбростью. Безмѣрно строгій начальникъ по службѣ и часто по своей горячности несправедливый, такъ что нѣсколько офицеровъ, не заслуженно

Смотръ кавалеріи цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ Варшавѣ на Саксонской площади въ 1824 году.
(Съ картины Ивана Розена, находящейся въ Императорскомъ Скерневикскомъ дворцѣ).

обиженныхъ имъ въ Варшавѣ, лишило себя жизни, Константинъ Павловичъ не стѣснялся публично просить извиненія у обиженнаго, если убѣждался, что ошибся. Если наказанный имъ за какую-либо провинность, раскаивался и старался исправиться, цесаревичъ не только прощалъ вину, но и вознаграждалъ отбывшаго наказаніе. Къ матеріальнымъ нуждамъ офицеровъ и солдатъ онъ относился очень внимательно, часто помогая нуждавшимся офицерамъ изъ своего кармана. Больныхъ офицеровъ онъ часто навѣщалъ лично. Въ день Христова Воскресенія онъ принималъ у себя и угощалъ всѣхъ подчиненныхъ офицеровъ; въ дни полковыхъ праздникоу у него собирались на завтракъ всѣ офицеры праздновавшей части. Въ этихъ случаяхъ и на балахъ цесаревичъ былъ простъ со всѣми въ обращеніи и любезенъ. Онъ старался знать въ лицо и по фамиліямъ не только всѣхъ своихъ офицеровъ, но и солдатъ, а нужно замѣтить, что память у него была превосходная. При весьма внимательномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ и при своей строгости онъ съумѣлъ достигнуть одного: довести до совершенства фронтую часть, — въ остальныхъ-же отношеніяхъ подчиненные ему полки оставляли желать много лучшаго: въ варшавскомъ русскомъ отрядѣ были случаи открытаго неповиновенія ему офицеровъ; многіе офицеры, какъ русской, такъ и польской службы, вели себя на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ очень неприлично, позволяя себѣ разнаго рода скандальныя выходки; солдатъ, какъ русскаго отряда, такъ и польской арміи, кормили неважно, такъ что нерѣдко солдаты просили на улицахъ милостыню, жаловались на голодь; нерѣдко солдаты занимались грабежами и бѣжали изъ полковъ вслѣдствіе жестокаго обращенія съ ними ²⁷⁾. Несмотря на это, солдаты любили цесаревича: до послѣдняго времени въ Варшавѣ встрѣчались, да вѣроятно есть еще и теперь, старики, служившіе въ польской арміи при Константинѣ Павловичѣ; эти старики съ благоговѣніемъ вспоминаютъ о цесаревичѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ 1830 году значительная часть польскихъ солдатъ была вовлечена въ мятежъ офицерами обманнымъ путемъ, напр., увѣреніями, будто-бы революціи сочувствуетъ цесаревичъ, который въ рѣшительный моментъ станетъ - де на сторону бунтовщиковъ.

До женитьбы на Іоаниѣ Антоновнѣ Грудзинской цесаревичъ часто бывалъ на балахъ и въ театрѣ, хотя и не чувствовалъ влеченія къ свѣтской жизни. Любимыми піесами цесаревича были комедіи. У цесаревича, любившаго острить и шутить, остроумныя шутки другихъ всегда возбуждали искренній смѣхъ, а за находчивый и остроумный отвѣтъ онъ нерѣдко прощалъ провинности. Въ бывшей тогда въ Варшавѣ французской труппѣ находился талантливый комикъ Мэрэ, игра котораго очень нравилась цесаревичу. Разъ Мэрэ, находясь на Саксонской площади

²⁷⁾ Покойный Вс. В. Крестовскій изобразилъ въ „Исторіи лейбъ-гвардіи Его Величества Уланскаго полка“ житье русскихъ и польскихъ солдатъ подъ командой цесаревича въ очень розовомъ свѣтѣ, но исторіографъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка А. Н. Маркграфскій длиннымъ рядомъ фактовъ опровергаетъ этотъ взглядъ Крестовскаго. Макаровъ въ своихъ „70-лѣтнихъ воспоминаніяхъ“ вполне подтверждаетъ слова г. Маркграфскаго. Нужно замѣтить однако, что за жестокое обращеніе съ солдатами начальствовавшихъ лицъ нельзя винить цесаревича, такъ какъ онъ многократно предписывалъ не сѣчь безъ причины и не бить солдатъ, куда пошло. О грабежахъ польскихъ солдатъ и дурномъ обращеніи ихъ съ крестьянами въ 1815—30 годахъ мнѣ не разъ приходилось слышать рассказы отъ стариковъ въ привислѣнскихъ деревняхъ.

въ числѣ зрителей, смотрѣвшихъ на парадъ или разводъ, случайно попалъ между двухъ частей войскъ, производившихъ какія-то эволюціи. Цесаревичъ приказалъ его арестовать за это и отправить на гауптвахту. На слѣдующій день цесаревичъ былъ въ театрѣ: по ходу пьесы Мэрэ слѣдовало отправить подъ арестъ. „Нѣтъ, это ужъ черезчуръ скучно! Вчера на гауптвахтѣ, сегодня на гауптвахтѣ: это ни на что не похоже!“ — воскликнулъ экспромтомъ Мэрэ. Цесаревичъ очень смѣялся этой шуткѣ, и Мэрэ отдѣлался за нее полученіемъ легкаго замѣчанія. Изъ польскихъ актеровъ цесаревичъ особенно благоволилъ къ талантливому комику Жулковскому, сынъ котораго впоследствии также слылъ прекраснымъ комическимъ актеромъ. До сихъ поръ въ Варшавѣ рассказываютъ много анекдотовъ, дѣйствующими лицами которыхъ являются цесаревичъ и Жулковскій. Такъ какъ поляки были недовольны, что Познань не вошла въ составъ созданнаго послѣ вѣнскаго конгресса Царства Польскаго, то Жулковскій закончилъ одну изъ статей въ издававшемся имъ юмористическомъ журналѣ „Момусъ“ словами: „Polska zginie bez Poznania“. Понимать эту фразу можно было двояко: Польша погибнетъ безъ Познани или безъ изученія (познанія). Цесаревичъ призвалъ къ себѣ Жулковскаго и сдѣлалъ ему внушеніе за этотъ каламбуръ. Когда Жулковскій вышелъ изъ кабинета цесаревича, бывшіе въ приемной обратились къ нему съ вопросомъ, что говорилъ ему цесаревичъ, онъ отвѣтилъ: „я написалъ въ Момусѣ, что Польша погибнетъ безъ Познани (понимай: Познани или познанія), а цесаревичъ предложилъ мнѣ за это Кіевъ (понимай: Кіевъ — городъ или родительный падежъ множественнаго числа отъ слова „кій“ — палка), но я не согласился“. Жулковскому часто доставалось отъ цесаревича и часто приходилось сживать на гауптвахтѣ, но онъ не унимался, а цесаревичъ много прощалъ ему за его остроуміе. Часто Константина Павловича развлекалъ гофъ-фурьеръ Бѣляевъ, отличавшійся несообразительностью. Цесаревичъ любилъ задавать ему головоломные вопросы, на которые Бѣляевъ отвѣчалъ не въ попадъ. Когда въ 20-хъ годахъ въ Европѣ обнаружались признаки революціоннаго броженія, цесаревичъ говаривалъ: „принципн моего Бѣяева торжествуютъ“.

Вскорѣ послѣ того, какъ государыня Марія Федоровна не согласилась на бракъ цесаревича съ княжной Четвертинской (1803 г.), онъ познакомился съ красавицей г-жей Фридрихсъ. Съ переѣздомъ цесаревича въ Варшаву туда-же переселилась и г-жа Фридрихсъ. У г-жи Фридрихсъ былъ сынъ Павелъ Константиновичъ, который въ 1812 году получилъ дворянское достоинство и фамилію Александрова. Онъ воспитывался въ Варшавѣ у цесаревича подъ руководствомъ русскаго и французскаго воспитателей²⁸⁾.

Въ началѣ 1820 года въ Варшавѣ пошли слухи о женитьбѣ цесаревича на Іоаннѣ Грудзинской, а г-жа Фридрихсъ вышла за-мужъ за полковника Вейса и уѣхала за-границу, гдѣ вскорѣ умерла.

²⁸⁾ П. К. Александровъ впоследствии служилъ въ военной службѣ и умеръ въ званіи генералъ-адъютанта въ 1856 году.

Съ Иоанной Антоновной Грудзинской цесаревичъ познакомился на балу у намѣстника Заюнчека. Современники считали ее красавицей, и дѣвицей она царила на варшавскихъ балахъ. Извѣстный поэтъ П. А. Вяземскій такъ характе-

Иоанна Грудзинская, впоследствии княгиня Ловичъ.

(Съ портрета изъ „Русской Старины“ 1877 г.).

ризуетъ ее: „Бѣлокурыя струистыя волосы и густыя кудри ея, выразительные глаза, улыбка умная и привѣтливая, голосъ мягкій и звучный, гибкость и какая-то облегающая ее свѣжесть и чистота... Она была Ундина“²⁹⁾. Константинъ Павловичъ

²⁹⁾ Кн. П. А. Вяземскій. „Полное Собрание сочиненій“. СПб. 1878 г. Стр. VIII.

плѣнившись ею, сталъ хлопотать о разводѣ, чтобы жениться на ней и въ этотъ разъ императрица Марія Ѳеодоровна согласилась на разводъ цесаревича съ его первой супругой. Получивъ согласіе на разводъ, цесаревичъ началъ бывать каждый вечеръ на правахъ жениха въ домѣ отчима Грудзинской, причемъ обязательно являлся туда въ парадной формѣ при орденахъ. Мать Грудзинской славилась въ молодости красотой. Выйдя за мужъ за познанскаго помѣщика Грудзинскаго и имѣя отъ него нѣсколько дѣтей, въ томъ числѣ Иоанну, она влюбилась въ красавца графа Броница, который при образованіи императоромъ Александромъ I штата варшавскаго королевскаго двора былъ назначенъ управляющимъ этимъ дворомъ. Онъ былъ извѣстенъ въ Варшавѣ, какъ веселый собесѣдникъ и собутыльникъ. Иоанна Грудзинская училась въ модномъ въ то время въ Варшавѣ аристократическомъ пансіонѣ французской эмигрантки Вашэ. М-ме Вашэ и игравшій руководящую роль въ пансіонѣ аббатъ Молеръ воспитывали ученицъ въ монархическомъ духѣ. Молеръ считался просвѣщеннымъ аббатомъ, чуждымъ іезуитизма и католическаго фанатизма. Затѣмъ для довершенія образованія Иоанна Грудзинская пробыла нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ. Съ какимъ чувствомъ выходила она за цесаревича? Могла-ли она увлечься имъ? Цесаревичъ не отличался красотой и ему было за сорокъ, когда онъ сталъ ухаживать за ней, но въ обращеніи съ дамами онъ былъ любезенъ и изященъ, а въ минуты оживленія и веселья его красивые глаза, которыми восхищалась въ дни его дѣтства Екатерина II, искрились добрымъ свѣтомъ, и его лицо освѣщалось привлекательной улыбкой, скрадывавшей некрасивый профиль. Кромѣ того, Грудзинской не могло, конечно, не льстить, что на нее обратилъ вниманіе братъ государя и до того плѣнился ею, что ради нея согласился отказаться отъ правъ на престолъ. Цесаревичъ любилъ важныя дѣла держать въ тайнѣ и повѣрялъ эти дѣла только своему любимцу Курутѣ. Когда цесаревичъ сталъ часто ѣздить въ домъ гр. Броница, объ этомъ, разумѣется, заговорили въ Варшавѣ, но цесаревичъ тщательно скрывалъ, что онъ хлопочетъ о разводѣ и собирается жениться. Съ ранней весны 1820 года стали отдѣлывать заново помѣщеніе, которое занималъ цесаревичъ въ Брюловскомъ домѣ и приступили къ перестройкѣ стоявшаго нѣсколько лѣтъ пустымъ загороднаго Бельведерскаго дворца. Какъ оказалось впоследствии, Бельведерскій дворецъ былъ предназначенъ для лѣтняго пребыванія Константина Павловича съ его супругой. Эти передѣлки и перестройки возбудили любопытство и вызывали толки. За нѣсколько дней до вѣнчанія, которое состоялось 12 мая 1820 г. въ Варшавѣ въ замковой православной церкви и затѣмъ въ замковой католической часовнѣ, цесаревичъ объявилъ своимъ приближеннымъ о предстоящемъ бракѣ и пригласилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на вѣнчаніе. По окончаніи вѣнчанія онъ сѣлъ съ женой въ открытый экипажъ и прокатился съ нею по главнымъ улицамъ города. На слѣдующій день онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею на смотръ. Очевидно, цесаревичъ, влюбленный въ свою жену, хотѣлъ показать ее всей Варшавѣ. 8 іюля 1820 года былъ изданъ манифестъ, возвѣщавшій о бракѣ цесаревича и о пожалованіи ему состоявшаго въ вѣдѣніи казны большаго имѣнія Ловичъ, совладѣтельницами котораго, какъ говорилось въ манифестѣ, цесаревичъ намѣренъ сдѣлать свою супругу,

а потому „положили мы удостоить и симъ удостоиваемъ нынѣшнюю супругу великаго князя Константина, Іоанну Грудзинскую, къ воспріятію и ношенію титула княгини Ловичской“. Интересно замѣтить, что этотъ манифестъ былъ обнародованъ только въ Царствѣ, въ остальныхъ же частяхъ Россіи онъ распубликованъ не былъ. Какъ въ первое время послѣ женитьбы, такъ и впослѣдствіи Константинъ Павловичъ не могъ нахвалиться своей женой, которую глубоко и нѣжно любилъ. Въ его письмахъ разныхъ лѣтъ послѣ этой женитьбы часто встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: „я счастливъ въ семейномъ быту, наслаждаюсь глубокимъ спокойствіемъ, благодаря женѣ“; „я счастливъ у себя дома, и главная тому причина жена“; „я обязанъ ей счастіемъ и спокойствіемъ“. Уѣзжая изъ дому, цесаревичъ всегда нѣсколько разъ обнималъ жену, цѣловалъ ее въ лицо и ея руки и крестилъ, напечатывая молитву. Императоръ Александръ I относился къ ней съ большимъ уваженіемъ и во время своихъ пребываній въ Варшавѣ, цѣня ея умъ, вступалъ съ нею въ продолжительныя бѣсѣды. Точно также относился къ ней императоръ Николай I, который повелѣлъ въ 1827 г. назвать въ честь ея одинъ изъ фрегатовъ нашего флота „Княгиней Ловичъ“. Императрица Марія Федоровна тоже любила княгиню, дѣлала ей подарки, называла ее *ma chère belle fille*; отказывая въ завѣщаніи 300,000 руб. сыну Константину, императрица выразила волю, чтобы въ случаѣ его смерти этотъ капиталъ перешелъ „къ невѣсткѣ моей княгинѣ Ловичъ, въполнѣ достойной моей любви и уваженія“. Во время коронаціи въ Варшавѣ императора Николая польской короной княгиня Ловичъ находилась среди лицъ императорской фамиліи. Княгиня вела простой образъ жизни и отличалась ровнымъ и сдержаннымъ характеромъ. Всѣ современники, какъ русскіе, такъ и поляки, знавшіе ее лично, относятся къ ней въ своихъ воспоминаніяхъ съ большимъ уваженіемъ и свидѣтельствуютъ, что ставъ супругой цесаревича, она совсѣмъ не измѣнила своихъ отношеній къ людямъ и была далека отъ гордости. Нѣкоторые поляки упрекаютъ ее за нежеланіе вмѣшиваться въ политику, вѣрнѣе сказать, за невмѣшательство въ политическія интриги, но эта черта ея, конечно, можетъ быть поставлена ей только въ заслугу. Цесаревичъ сильно подчинился ея вліянію. Свое вліяніе княгиня направляла къ тому, чтобы воздерживать Константина Павловича отъ вспышекъ, ронявшихъ его авторитетъ. Она часто говорила мужу: „надо сперва подумать, а потомъ сдѣлать, ты-же поступаешь наоборотъ“. Когда въ Варшавѣ стали появляться явные признаки антирусскаго броженія, а цесаревичъ не желалъ принимать рѣшительныхъ мѣръ для подавленія этого броженія, въ тѣхъ слояхъ русскаго общества, которые стояли болѣе или менѣе далеко отъ двора цесаревича, поговаривали, что цесаревичъ ослѣпленъ своей женой—полькой, которая старается-де увѣрить его въ преданности поляковъ, чтобы дать своимъ соотечественникамъ время приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ возстанію. На самомъ-же дѣлѣ княгиня Ловичъ принадлежала къ числу тѣхъ лицъ, которыя предупредили цесаревича о подготавливающейся революціи и совѣтовали принимать заранѣе мѣры. Вполнѣ вѣроятно, что подъ вліяніемъ любви къ полькѣ увеличилось расположеніе Константина Павловича къ полякамъ, но за это, разумѣется, нельзя винить княгиню Ловичъ.

Крайнее расположеніе цесаревича и излишняя снисходительность его къ полякамъ ставили въ Варшавѣ русскихъ, дорожившихъ національнымъ достоинствомъ, въ очень тяжелое положеніе. Паскевичъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что въ 1815 — 1830 годахъ русскихъ держали въ Варшавѣ „въ черномъ тѣлѣ“. Въ 1821 году былъ въ Варшавѣ проѣздомъ извѣстный генералъ Ермоловъ. Цесаревичъ любилъ Ермолова и часто дружески переписывался съ нимъ. Пріѣхавъ въ Варшаву, Ермоловъ былъ пораженъ высокомѣріемъ поляковъ и приниженіемъ русскихъ. При объѣздѣ города вмѣстѣ съ цесаревичемъ и польскими генералами Ермоловъ сталъ вспоминать о своемъ участіи подъ командой Суворова во взятіи Варшавы въ 1794 г., но цесаревичъ прервалъ его рассказъ, считая, что онъ непріятель полякамъ. Предъ отъѣздомъ Ермолова изъ Варшавы цесаревичъ упрескалъ его „въ пренебреженіи къ полякамъ“, и съ этого времени навсегда разошелся съ нимъ.

VI.

Два лица кромѣ княгини Ловичъ пользовались вліяніемъ на цесаревича: **Θ. П. Опочининъ**³⁰⁾ и **Курута**, особенно послѣдній. Цесаревичъ перѣдко обращался къ Опочинину, служившему при дворѣ въ Петербургѣ, за совѣтами и давалъ ему разныя порученія, посвящая его въ свои планы и намѣренія. Когда послѣ вступленія на престолъ Николая Павловича отношенія между императоромъ и цесаревичемъ стали обостряться, Опочининъ увѣщевалъ въ своихъ письмахъ цесаревича не сориться съ братомъ-императоромъ. Съ Курутой цесаревичъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ ранняго дѣтства. Такъ какъ императрица Екатерина II предназначала Константина Павловича на византійскій престолъ, то въ дѣтствѣ его окружили мальчиками греками. Въ числѣ этихъ грековъ находился Димитрій Курута, оставшійся при цесаревичѣ до его смерти. Въ Варшавѣ Курута, какъ уже упомянуто, занималъ должность начальника штаба цесаревича и гофмаршала его двора. Курута, совѣтами котораго дорожилъ цесаревичъ и который умѣлъ успокаивать цесаревича въ минуты гнѣва, былъ человекъ очень хитрый, но малообразованный.

Князь П. А. Вяземскій³¹⁾, сравнивая варшавское русское общество, собственно верхній слой его, эпохи 1815—1830 гг. съ тогдашнимъ варшавскимъ польскимъ обществомъ, находитъ, что поляки превосходили русскихъ по образованію и въ доказательство малообразованности русскихъ указываетъ на Куруту, но въѣдъ и въ числѣ тогдашнихъ польскихъ генераловъ были люди съ такимъ-же, если не съ меньшимъ образованіемъ, — это во первыхъ, а во вторыхъ тогдашнее варшавское русское общество состояло не изъ одного Куруты (притомъ грека, а не русскаго, по рожденію), и малообразованному Курутѣ можно противопоставить человека съ глубокимъ и разностороннимъ образованіемъ, друга юности императора Александра I, — Н. Н. Новосильцова. Были среди тогдашнихъ русскихъ варшавянъ и кромѣ Новосильцова люди съ большимъ образованіемъ (напр., Байковъ, самъ кн. Вяземскій), были и малообразованные, особенно въ числѣ мелкихъ чиновниковъ. Составъ находившихся тогда въ Варшавѣ русскихъ офицеровъ отличался разношерстностью по образованію, воспитанію и происхожденію: русскіе адъютанты цесаревича были молодые люди изъ хорошихъ русскихъ семействъ (кн. Голицынъ, Апраксинъ, Лишинъ, Опочининъ — сынъ **Θ. П. Опочинина**), а въ варшавскихъ русскихъ полкахъ наряду съ образованными и благовоспитанными офицерами нахо-

³⁰⁾ **Θ. П. Опочининъ**, впослѣдствіи оберъ-гофмейстеръ, былъ женатъ на дочери И. М. Голицына-Кутузова, умеръ въ 1852 г.

³¹⁾ См. „Записную книжку“ кн. П. А. Вяземскаго „Русскій Архивъ“ 1875 г.

дѣлись выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ, еле умѣвшіе читать и писать. Но развѣ и среди поляковъ не было необразованныхъ офицеровъ и чиновниковъ?

Если Паскевичъ и Ермоловъ находили положеніе русскихъ въ Варшавѣ съ 1815 г. унизительнымъ, если Новосильцовъ, на которомъ особенно сильно отражалась ненормальность русско-польскихъ отношеній эпохи 1815 — 1830 годовъ, тяготился своимъ положеніемъ въ Варшавѣ, то многихъ русскихъ съ менѣ развитымъ политическимъ чувствомъ и чувствомъ національнаго достоинства Варшава влекла и располагала къ себѣ. Приглашенный Новосильцовымъ въ 1818 году на службу въ Варшаву кн. П. А. Вяземскій пишетъ въ своей автобіографіи: „Варшава тогда блестящая, не только мирная, но и празднующая свое обновленіе, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко акклиматизировался, да ипаче и быть не могло“³²⁾. Многие русскіе офицеры пашли послѣ долгаго періода походовъ въ Варшавѣ „мирное пристанище“, и Варшава показала имъ, по выраженію Колзакова, „какою-то счастливою Аркадіею“. Располагало русскихъ къ Варшавѣ и то обстоятельство, что здѣсь они получали усиленные оклады, а жизнь въ то время въ Варшавѣ отличалась дешевизною. Къ концу 20-хъ годовъ, когда русско-польскія отношенія значительно обострились, и тѣ изъ русскихъ, которые раньше не чувствовали ненормальности тогдашняго положенія русскихъ въ Варшавѣ, стали испытывать на себѣ тягость этого положенія.

Какъ и въ настоящее время, Варшава въ эпоху 1815 — 1830 годовъ была богата развлеченіями. Какъ и теперь, такъ и въ то время, къ услугамъ варшавянъ былъ Лазенковскій паркъ, куда ѣздили кататься варшавскій бомондъ. На Вейской улицѣ находилась модная въ то время кофейня „Вейска кава“ („Деревенскій кофе“. На возвратномъ пути изъ Лазенокъ заѣзжали въ эту кофейню слушать музыку и обмѣниваться новостями. Кромѣ Лазенокъ ѣздили кататься въ паркъ Жолиборжъ (Joli bord), въ которомъ находились дачи варшавскихъ богачей. (На мѣстѣ этого парка впоследствии построена цитадель). Лѣтомъ устраивались, какъ и теперь, гулянья въ мѣстности Бѣляпы, но въ то время въ этихъ гуляньяхъ принимало участіе и фешенебельное общество, теперь-же низшій классъ населенія. Лѣтомъ цесаревичъ часто устраивалъ въ лагерѣ военныя торжества, на которыя собиралось много публики. Зимой по вечерамъ: французскій и польскій театры. Балетъ въ то время не былъ въ Варшавѣ въ модѣ. Время отъ времени пріѣзжія знаменитости давали концерты: пѣвицы Каталани и Зонтагъ, позже скрипачъ Паганини. Въ концѣ 20-хъ годовъ стали давать концерты Шопенъ, воспитывавшійся въ Варшавѣ, гдѣ его отецъ былъ учителемъ французскаго языка. Многие изъ русскихъ увлекались тогда поляками. Не избѣгнулъ этого и кн. П. А. Вяземскій. Его увлеченіе варшавянками было настолько сильнымъ, что даже на склонѣ лѣтъ въ своей автобіографіи онъ написалъ: „пока будутъ польскія женщины на свѣтѣ онѣ могутъ ить „Jeszcze Polska nie zginęła“ („Еще Польша не погибла“); „въ польской женственности, — говоритъ онъ далѣе, —

³²⁾ „Полное Собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, стр. XXXVIII.

необычайная прелесть и природенная ловкость“. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній „Станціи“³³⁾ князь пишетъ:

Мечтой коснулся я предверья
Воздушныхъ прелестей и фей,
Влетѣлъ въ Варшаву, — и безсильный
Засѣлъ я въ сѣти прежнихъ дней . . .
Обворожительнымъ дурманомъ
Щекотить голову и грудь
Того, кто воздухомъ Варшавы
Былъ упоенъ когда-нибудь,
Кто изъ горнушковъ „Вейской кавы“
Пилъ нектаръ медленной отравы
Иль на Бѣяны знаетъ путь.
Umizgać się³⁴⁾, въ семь словъ миломъ,
Какъ въ сердцѣ, Польша вся живетъ
И въ хороводѣ легкрыломъ
Своихъ соблазновъ рой влечетъ . . .
Umizgać się — глаголь житейскій:
Ему насъ учитъ женскій полъ,
Онъ жемчугъ польскаго нарѣчья,
Его понятья безъ увѣчья
Въ другой языкъ не передашь,
Какъ въ словаряхъ другихъ ни рыться:
Faire la cour и волочиться
Смѣшно напоминаетъ блажь
Маркизовъ чопорнаго вѣка
Иль заставляетъ заключить,
Что волокита долженъ быть
Или подагривъ иль калѣка . . .

Живя въ Варшавѣ, князь сошелся съ нѣкоторыми польскими литераторами. Въ годы его варшавской жизни наиболѣе извѣстными варшавскими польскими литераторами были Нѣмцевичъ, глава польскаго псевдо-классицизма, и Мольскій, писавшій стихи на разные торжественные случаи, но ихъ извѣстность была тогда уже на закатѣ, потому что на литературную сцену выступали польскіе романтики, и въ польской литературѣ начиналась борьба романтизма съ псевдо-классицизмомъ, окончившаяся побѣдой перваго къ 30-мъ годамъ. Умственная жизнь Варшавы сосредоточивалась въ то время въ открытомъ въ 1818 году варшавскомъ Александровскомъ университетѣ и въ „Обществѣ друзей науки“. Вокругъ этихъ двухъ учреждений группировался кружокъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько лицъ.

³³⁾ „Въ дорогѣ и дома“. Собраніе стих. кн. Вяземскаго М. 1862. Стр. 11.

³⁴⁾ Umizgać się — ухаживать за женщинами.

пользовавшихся заслуженной известностью, какъ, напр., Линде, авторъ „Словаря польскаго языка“, юристъ Губе, впоследствии профессоръ петербургскаго университета и членъ государственнаго совѣта, и Мацѣвскій, авторъ „Исторіи славянскихъ законодательствъ“. Благодаря поэту Нѣмцевичу, кн. П. А. Вяземскій былъ избранъ въ члены „Общества друзей науки“. Онъ читалъ съ интересомъ польскіе журналы и газеты (въ то время въ Варшавѣ было до десяти повременныхъ изданій) и усердно знакомился съ польскою литературой. Князь Вяземскій прожилъ въ Варшавѣ около трехъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, польскіе революціонеры Нѣмцевичъ, Моравскій и другіе всецѣло овладѣли кн. Вяземскимъ и заставили его смотрѣть на совершившееся тогда въ Варшавѣ польскими глазами. Его близость къ польскимъ дѣятелямъ, известнымъ своею враждою къ Россіи, обратила на себя вниманіе Новосильцова. За княземъ стали слѣдить и вскрывать его письма, въ которыхъ онъ рѣзко выражался о варшавскихъ порядкахъ. Когда въ 1821 году онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, Новосильцовъ написалъ ему отъ имени цесаревича, чтобъ онъ не возвращался въ Варшаву. Впоследствии Константинъ Павловичъ просилъ государя простить Вяземскому его увлеченія и дать ему мѣсто. Ближайшими знакомыми князя въ Варшавѣ кромѣ названныхъ выше польскихъ литераторовъ были адъютантъ цесаревича Несельроде и Фовицкій, воспитатель Павла Константиновича Александрова и сотрудникъ „Сына Отечества“. По словамъ П. Бартенева, редактора-издателя „Русскаго Архива“, Фовицкій считался въ свое время большимъ знатокомъ польской литературы и жизни. Кромѣ кн. Вяземскаго и Фовицкаго въ эпоху 1815—30 годовъ въ Варшавѣ жилъ еще одинъ русскій литераторъ — В. А. Ушаковъ, авторъ повѣсти „Киргизъ - Кайсакъ“ (М. 1830 г.), восточной повѣсти „Котъ Бурмонско“ (М. 1831 г.) и „Досуговъ Инвалида“ (М. 1832 — 1835). Повѣсть „Киргизъ-Кайсакъ“ была издана въ 1834 г. въ Лейпцигѣ въ нѣмецкомъ переводѣ. Ушаковъ служилъ въ Варшавѣ въ Литовскомъ полку. Въ квартировавшихъ тогда въ Варшавѣ русскихъ полкахъ было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, горячо интересовавшихся литературой и получавшихъ отъ своихъ друзей изъ Москвы и Петербурга литературныя новинки. Нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ стали впоследствии известными военными дѣятелями (Одинцовъ, Желтухинъ и др.), но большинство русскихъ и польскихъ офицеровъ того времени свободное отъ службы время посвящало ухаживаніямъ, романтическимъ походамъ и кутежамъ.

VII.

Видный государственный дѣйтель царствованій императоровъ Александра I и Николая I Н. Н. Новосильцовъ, умершій въ 1838 году, занимая посты председателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, ждетъ подробной и обстоятельной біографіи. До настоящаго времени, къ сожалѣнію, собрано очень мало матеріаловъ для характеристики и жизнеописанія его.

Новосильцовъ родился въ 1761 году. Онъ былъ натуральный сынъ сестры графа А. С. Строганова и воспитывался въ домѣ послѣдняго. Записанный въ малолѣтствѣ въ пажи, въ 1783 году Новосильцовъ поступилъ въ армію въ чинѣ капитана, а въ 1786 году былъ причисленъ къ иностранной коллегіи. Онъ принималъ участіе въ войнѣ со Швеціей (1788 — 1790), отличившись въ сраженіи подъ Біорне-Зундомъ, и затѣмъ въ польскомъ походѣ (1792 — 95), причемъ обратилъ на себя вниманіе храбростью въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, а также проявилъ административныя способности и принималъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ.

Около 1790 года Новосильцовъ сблизился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Впослѣдствіи Александръ Павловичъ, графъ П. А. Строгановъ, сынъ А. С. Строганова, у котораго воспитывался Новосильцовъ, и кн. А. Чарторыйскій составили тѣсный дружескій кружокъ. Новосильцовъ, проникнутый въ то время идеями французскихъ писателей второй половины XVIII вѣка, былъ старше годами, пачитаннѣе и опытнѣе своихъ друзей и имѣлъ большое вліяніе на нихъ. Это вліяніе не миновало въ частности и князя А. Чарторыйскаго, съ которымъ впослѣдствіи такъ рѣзко разошелся Новосильцовъ. Чарторыйскій самъ признаетъ въ своихъ „Мемуарахъ“ вліяніе на себя Новосильцова. Съ воцареніемъ императора Павла I, неблаговолившаго къ друзьямъ великаго князя и особенно къ Новосильцову, отличавшемуся острымъ языкомъ, Александръ Павловичъ, гр. Строгановъ и кн. Чарторыйскій уговорили Новосильцова уѣхать за-границу. Какъ видно изъ письма Александра Павловича къ Лагарпу, которое повезъ послѣднему Новосильцовъ, друзья рѣшили при первой возможности реформировать Россію въ духѣ западно-европейскихъ политическихъ ученій, предварительно поднявъ уровень просвѣщенія ея. Въ этомъ письмѣ Александръ Павловичъ, между прочимъ, пишетъ: „Это (Новосильцовъ) отличный молодой человѣкъ и притомъ очень образованный и особенно хорошо знающій свое отечество. Я поручаю его вашему вниманію. Ему поручено съ нашей стороны (т. е. Александромъ Павловичемъ, гр. Строгановымъ и кн. Чарторыйскимъ) объ очень многомъ распросить васъ, въ особенности о родѣ того образованія, которое вы считаете наиболѣе удобнымъ для прививки и дальнѣйшаго распространенія и которое притомъ просвѣтило-бы

умы въ кратчайшій промежутокъ времени“. Большую часть времени своего пребывания за-границей въ царствованіе Павла I Новосильцовъ прожилъ въ Лондонѣ, гдѣ сблизился съ извѣстными англійскими государственными людьми Питтомъ и Фоксомъ. Онъ усердно довершалъ въ Лондонѣ свое образованіе не только бесѣ-

Н. Н. Новосильцовъ.

(Изъ труда Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“).

дами съ политическими дѣятелями, но и посѣщеніемъ лекцій физико-математическихъ и медицинскихъ наукъ. Съ воцареніемъ Александра I Новосильцовъ немедленно вернулся въ Россію и былъ назначенъ „дѣйствительнымъ камергеромъ“ для особыхъ порученій при императорѣ и сенаторомъ. Ему было поручено разсмотрѣніе проектовъ, касающихся земледѣлія, промышленности, торговли, науки

и искусствъ. Пользуясь полнымъ довѣріемъ государя въ первые годы его царствованія, Новосильцовъ проявлялъ тогда необычайную дѣятельность. Являясь, безспорно, самымъ выдающимся членомъ такъ называемаго негласнаго комитета, образованнаго императоромъ Александромъ I въ началѣ его царствованія, Новосильцовъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ комитета и самъ составилъ проектъ положенія о сенатѣ, проектъ учрежденія министерствъ, проектъ кредитныхъ учреждений и положенія крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ засѣданіяхъ комитета онъ высказывался по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, касавшимся внутренней и вѣшной политики и ратовалъ за мѣры, направленные къ смягченію обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. По словамъ Чарторыйскаго, Новосильцовъ былъ самымъ разсудительнымъ изъ всѣхъ молодыхъ членовъ комитета. Въ 1802 году сверхъ лежавшихъ уже на Новосильцовѣ дѣлъ было поручено разсмотрѣніе дѣлъ Святѣйшаго Синода, а затѣмъ и должности попечителя петербургскаго округа и президента академіи наукъ, для которой онъ составилъ штатъ и уставъ, а также товарища министра юстиціи. Въ 1803 году отношенія между членами негласнаго комитета Новосильцовымъ, Строгановымъ, Кочубеемъ и Чарторыйскимъ съ одной стороны и императоромъ съ другой охладилась, и къ концу 1803 г. засѣданія этого комитета прекратились. Несмотря на паденіе вліянія Новосильцова, онъ продолжалъ состоять при императорѣ, сопровождалъ его въ поѣздахъ и исполнялъ много дипломатическихъ порученій. Въ 1805 году онъ заключилъ союзъ съ Великобританіей, а въ 1806 году былъ посланъ для переговоровъ съ Наполеономъ въ Парижъ, но не успѣлъ доѣхать до мѣста назначенія, когда началась война. Въ 1807 году Новосильцовъ былъ назначенъ членомъ комитета охраненія всеобщей безопасности и затѣмъ находился при заключеніи тильзитскаго мира. Послѣ тильзитскаго мира значеніе Новосильцова окончательно пало, и онъ, видя это и не надѣясь на возможность примиренія своихъ взглядовъ по многимъ внутреннимъ и вѣшнимъ вопросамъ съ возрѣніями государя, уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и прожилъ до 1812 года, когда былъ вызванъ императоромъ въ Россію. Во время отечественной войны Новосильцовъ находился при императорѣ и хотя прежнія интимно-дружескія отношенія между нимъ и государемъ не возстановились, но все-же Новосильцовъ пользовался въ это время большимъ довѣріемъ, какъ это видно изъ разговора съ нимъ государя о ссылкѣ Сперанскаго и изъ назначенія его въ началѣ 1813 года Новосильцова товарищемъ предсѣдателя верховнаго совѣта герцогства варшавскаго.

Принятый любезно въ Варшавѣ поляками, какъ человекъ близкій къ А. Чарторыйскому, съ которымъ его связывала въ молодые годы дружба, Новосильцовъ сталъ частымъ гостемъ варшавскихъ салоновъ и былъ избранъ въ члены варшавскаго „Общества друзей науки“. Отношенія между нимъ и Чарторыйскимъ въ первое время его пребыванія въ Варшавѣ казались вполне дружескими. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уже въ первые годы царствованія императора Александра I сказались значительная разница во взглядахъ его друзей—Новосильцова и Строганова съ одной стороны и кн. Чарторыйскаго съ другой, какъ въ области вѣшной, такъ и внутренней политики: первые двое стремились

къ пользѣ Россіи, а кн. Чарторыйскій руководился стремленіемъ возстановить Польшу при помощи Россіи и свои взгляды и дѣйствія подчинялъ этому стремленію. Съ теченіемъ времени по мѣрѣ того, какъ Новосильцовъ изъ „русскаго вольтерьянца“ обращался въ государственнаго мужа съ трезвымъ пониманіемъ нуждъ и интересовъ Россіи, онъ и Чарторыйскій, разумѣется, все болѣе расходились въ своихъ взглядахъ. По словамъ гр. Потоцкой, войдя въ польское общество, Новосильцовъ мало говорилъ, молчаливо наблюдая и умѣя заставлять говорить поляковъ. Благодаря этой тактикѣ, онъ скоро ориентировался въ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ, и это ближайшее ознакомленіе съ поляками привело его къ заключенію противъ автономнаго и конституціоннаго устройства польской области, которую тогда приобрѣтала Россія. Если вообще біографія Новосильцова разработана слабо въ нашей литературѣ, то особенно это слѣдуетъ сказать о варшавско-виленскомъ періодѣ дѣятельности Новосильцова. Въ оцѣнѣ этого періода его дѣятельности наши писатели идутъ на буксирѣ за польскими, а сдѣланная послѣдними оцѣнка Новосильцова слишкомъ далека отъ правды и справедливости. Обвиняя Новосильцова въ карьеризмѣ, польскіе писатели увѣряютъ, что онъ, будто-бы сначала сочувствовавшій конституціонному и автономному устройству Царства Польскаго, затѣмъ ради карьеры отрекся отъ своихъ симпатій въ этомъ отношеніи, и что онъ, будто-бы обязанный своимъ возвышеніемъ Чарторыйскому, затѣмъ оклеветалъ-де Чарторыйскаго и добился увольненія его отъ поста попечителя виленскаго учебнаго округа, чтобы самому занять этотъ постъ. Но изъ переписки Новосильцова ясно, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Варшаву въ 1813 году онъ сталъ высказываться противъ конституціи и автономіи, а слѣдовательно не мѣнялъ своихъ взглядовъ на организацію Царства Польскаго. Авторъ вышедшей недавно въ Варшавѣ брошюры „Изъ дѣятельности министра Любецкаго“³⁵⁾ доцентъ львовскаго университета Ашкенази, относящійся очень враждебно къ Новосильцову, долженъ былъ однако признать, основываясь на перепискѣ Новосильцова и его дѣйствіяхъ въ Варшавѣ, что уже въ 1813 году онъ высказывался противъ автономіи и конституціи Царства Польскаго и былъ послѣдовательнымъ противникомъ автономности и конституціоннаго устройства Царства. Невѣрны также увѣренія польскихъ писателей, что Новосильцовъ возвысился, благодаря Чарторыйскому, такъ какъ онъ сблизился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ до пріѣзда въ Петербургъ Чарторыйскаго, а затѣмъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей великаго князя игралъ руководящую роль, имѣя болѣе другихъ членовъ кружка вліянія на великаго князя.

Новосильцовъ навлекъ на себя недовольство поляковъ не только тѣмъ, что являлся въ Варшавѣ представителемъ русскихъ интересовъ и предъугадывалъ польскіе планы, направленные противъ Россіи, но и горячей борьбой съ популярнымъ въ то время министромъ финансовъ Царства Польскаго кн. Любецкимъ-Друцкимъ, который стремился всячески эксплуатировать русскую государственную казну въ пользу Царства; особенно-же возстановило поляковъ противъ Новосиль-

³⁵⁾ „Z działalności ministra Lubieckiego“, Варшана. 1897.

цова произведенное имъ дознаніе по дѣлу виленскихъ университетскихъ тайныхъ обществъ. Результатомъ этого дознанія было увольненіе Чарторыйскаго отъ должности попечителя виленскаго учебнаго округа. Производи въ началѣ 20-хъ годовъ слѣдствіе о начавшихъ возникать съ 1817 года тайныхъ обществахъ въ Царствѣ Польскомъ, Новосильцовъ попалъ на слѣды существованія революціонныхъ кружковъ въ виленскомъ университетѣ. Эти кружки образовывались и развивались на глазахъ у виленскаго попечителя кн. Чарторыйскаго. Въ это время Чарторыйскій ужь потерялъ надежду возстановить Польшу „отъ моря до моря“ руками императора Александра I и все болѣе склонялся на сторону революціонеровъ, надѣявшихся достигъ этой цѣли путемъ возстанія. А мать Чарторыйскаго княгиня Изабелла послѣ того, какъ ей не удалось выхлопотать своему сыну мѣсто намѣстника Царства Польскаго, дѣйтельно повела антирусскую агитацію, вошла въ сношенія съ польскими революціонными кружками и поддерживала ихъ деньгами и другими средствами. Въ 1822 году профессоръ виленскаго университета Вырвичъ донесъ письменно Чарторыйскому, что кромѣ извѣстнаго начальству общества лучезарныхъ среди студентовъ существуетъ тайное политическое общество филаретовъ, во главѣ котораго стоитъ нѣсколько лицъ, послѣднихъ названіе филомановъ, причемъ доказывалъ, что и общество лучезарныхъ, хотя на словахъ стремится только къ научнымъ цѣлямъ и нравственному совершенствованію своихъ членовъ на дѣлѣ, преслѣдуетъ политическія цѣли. Возникшее по донесенію Вырвича дѣло было замято, но заправилами революціонеровъ были приняты мѣры предосторожности. Глава революціонеровъ въ виленскомъ университетѣ Занъ уничтожилъ бумаги общества филаретовъ и обязалъ присягою филаретовъ и филомановъ сохранять въ тайнѣ существованіе общества. Вскорѣ послѣ этого (весною 1823 г.) цесаревичъ Константинъ Павловичъ получилъ донесеніе отъ виленскаго генераль-губернатора Римскаго-Корсакова, что 22 апрѣля (3 мая нов. стили) гимназистъ Плятеръ сдѣлалъ на доскѣ въ классѣ надпись революціоннаго содержанія. По однимъ свѣдѣніямъ надпись гласила: „Сегодня день конституціи 3 мая. Поляки, возстаньте для защиты великаго вашего дѣла!“ (По другимъ, Плятеръ написалъ: „Да здравствуетъ конституція 3 мая!“) По полученіи этого донесенія, цесаревичъ предложилъ Новосильцову немедленно отправиться въ Вильну. Новосильцовъ раскрылъ существованіе общества филаретовъ и доказалъ революціонный характеръ дѣятельности, какъ этого общества, такъ и общества лучезарныхъ. Члены этихъ обществъ были высланы изъ западныхъ губерній. Въ числѣ ихъ находился извѣстный польскій поэтъ Мицкевичъ. Чарторыйскій былъ уволенъ отъ должности попечителя виленскаго учебнаго округа, а на мѣсто его назначенъ на короткое время графъ Леваль, а затѣмъ Новосильцовъ, сохранившій за собою и должность комиссара при польскомъ сеймѣ. Онъ удалилъ изъ виленскаго университета нѣкоторыхъ профессоровъ, между прочимъ, извѣстнаго польскаго революціонера Лелевеля, назначилъ ректоромъ преданнаго Россіи профессора Пеликана, пригласилъ для чтенія курса исторіи на русскомъ языкѣ П. Кукольника, брата извѣстнаго романиста Нестора Кукольника, обратилъ вниманіе на изученіе русскаго языка и знаніе его студентами и т. д. Послѣ разоблаченія революціонныхъ обществъ

въ Вильнѣ и вызваннаго этимъ увольненія Чарторыйскаго поляки болѣе прежняго не взлюбили Новосильцова. Мицкевичъ описалъ слѣдствіе, произведенное Новосильцовымъ въ III-ей части своей поэмы „Дяды“, въ которой дьяволъ называетъ Новосильцова своимъ „самымъ дорогимъ сыномъ“ („ten mój najmilszy syn“) ³⁶⁾, и Новосильцовъ представленъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Возводя всякія напраслины на Новосильцова, нѣкоторые польскіе писатели не постѣснились обвинить его въ томъ, будто-бы онъ своими дѣйствіями вызывалъ революцію, будто-бы его дѣятельность имѣла провокаціонный характеръ. Факты же, напротивъ, свидѣтельствуютъ, что онъ всячески успокаивалъ польскихъ руководителей. Въ частности лишены также основанія увѣренія, что Новосильцовъ раздулъ значеніе виленскихъ студенческихъ кружковъ и придалъ имъ характеръ политическихъ тайныхъ обществъ, котораго они на дѣлѣ будто-бы вовсе не имѣли. Профессоръ варшавскаго университета Вержбовскій, изучавшій по даннымъ виленскаго архива дѣятельность этихъ кружковъ, несмотря на симпатіи къ членамъ ихъ, не рѣшается однако отрицать ихъ политическо-революціоннаго характера ³⁷⁾, а Лелевель называетъ виленскія студенческія общества невинными, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что члены этихъ обществъ „не забывали, что они дѣти древней польской Рѣчи Посполитой, и обращали особенное вниманіе на народныя дѣла и несчастье отечества“. ³⁸⁾ Оставляютъ-ли эти слова Лелевеля мѣсто для сомнѣнія въ томъ, что эти общества имѣли политическую окраску? Не выдерживаетъ критики и обвиненіе Новосильцова въ жестокомъ отношеніи къ виленскимъ студентамъ: биографы Мицкевича (Хмелевскій, Вержбовскій и др.) удостоверяютъ, что арестованные студенты пользовались свободой, могли сходиться и разговаривать, и что вообще заключеніе не было тяжелымъ. Нельзя назвать не только жестокими, но даже строгими наказанія, наложенныя на участниковъ тайныхъ виленскихъ обществъ: одинъ Запъ, учредитель обществъ, былъ сосланъ на 15 лѣтъ въ Оренбургъ, 20 членамъ этихъ обществъ, въ томъ числѣ и Мицкевичу, были даны учительскія мѣста въ разныхъ губерніяхъ лишь съ запрещеніемъ въѣзда въ западныя губерніи, а остальные были отданы подъ надзоръ полиціи. Гдѣ-же основаніе утверждать, какъ это дѣлаетъ, напр., авторъ замѣтки о Новосильцовѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, что Новосильцовъ проявилъ въ Вильнѣ жестокость, которая ускорила взрывъ польскаго возстанія 1830 — 31 годовъ?

Отрицательное мнѣніе о дѣятельности Новосильцова въ Вильнѣ и въ Варшавѣ, проникшее изъ польской въ русскую литературу, составилось, главнымъ образомъ, на основаніи изданнаго Лелевелемъ въ Варшавѣ во время возстанія 1830 — 31 годовъ памфлета „Новосильцовъ въ Вильнѣ“ ³⁹⁾ и III-ей части поэмы Мицкевича „Дяды“, а III-ья часть „Дядовъ“ представляетъ собой не что иное,

³⁶⁾ А. Mickiewicza „Dziady“. Изд. 2-ое. Парижъ 1833 г. Стр. 117.

³⁷⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1888 г, № 9. „Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ“.

³⁸⁾ „Polska odradzająca się“. Брюссель 1843 г. Стр. 44.

³⁹⁾ Затѣмъ Лелевель включилъ этотъ памфлетъ въ составъ цитированной выше книги „Polska odradzająca się“.

какъ стихотворное переложеніе памфлета Лелевели. Распространенію невѣрнаго взгляда на дѣятельность Новосильцова въ Варшавѣ и Вильнѣ много содѣйствовало также Пржецлавскій, изобразившій въ своемъ „Калейдоскопѣ Воспоминаній“⁴⁰⁾ Новосильцова въ крайне каррикатурномъ видѣ. Пржецлавскій (бывшій членъ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ Царства Польскаго), при провѣркѣ воспоминаній котораго чуть-ли не каждое слово его о Пушкинѣ, Новосильцовѣ и Мицкевичѣ оказывается выдумкой или крайнимъ преувеличеніемъ, выставилъ Новосильцова нѣяницей. П. В. Кукольникъ, указавъ въ предисловіи къ своимъ написаннымъ въ старости „Историческимъ замѣткамъ о сѣверо-западной Россіи“ на то, что „готовясь предстать на судъ Превѣчной Иностранной Истины, (онъ) не осмѣлится нести къ подножію Престола Ея ничего, чтобы новымъ бременемъ отягчало его совѣсть на концѣ жизни“, говоритъ: „Поляки отвѣчали ненавистью клеветами и сарказмами на дѣйствія Новосильцова, котораго дальновидный умъ угадывалъ ихъ замыслы... Но некорбительно для сердца русскаго то, что эти клеветы и эти сарказмы повторяемы были нѣкоторыми изъ русскихъ такъ, какъ будто-бы они имѣли самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи западнаго края. Конечно, поляки имѣли своихъ агентовъ во всей Россіи, въ особенности въ двухъ столицахъ. Многіе изъ нихъ, находясь долго въ русской службѣ, успѣли войти въ ближайшія сношенія съ русскими, вкрались въ дружбу... Во всякомъ случаѣ это была важная обида для государственнаго мужа, котораго намѣренія были чисты, а дѣйствія безукоризненны“⁴¹⁾.

Сынъ екатерининской эпохи, выросшій въ кругу вельможъ того времени, переводчикъ Анакреона (Виземскій говоритъ, что въ Варшавѣ часто можно было застать Новосильцова дома либо за чтеніемъ или переводомъ Анакреона, либо за игрой на клавинодахъ), Новосильцовъ любилъ широкую жизнь, блестящіе балы и пиры, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ тонкимъ знатокомъ искусства, поклонникомъ науки⁴²⁾. Его врагъ кн. Чарторыйскій даетъ о немъ въ своихъ „Мемуарахъ“ слѣдующій отзывъ: „Новосильцовъ обладалъ умомъ прозорливымъ, отличался большою способностью къ труду, которую парализовала лишь страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, что однако не мѣшало ему много читать, съ успѣхомъ изучать науки прикладныя къ промышленности и пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія по части правовѣдѣнія, законовѣдѣнія и политической экономіи. Образованіе это сопровождалось философіей, довольно снисходительной по взглядамъ на многіе предметы и желаніемъ быть свободной отъ всякихъ предразсудковъ, но не отнимавшей у него положительныхъ свойствъ его характера“. Юще болѣе враждебно настроенный по отношенію къ Новосильцову Лелевели, возводя на него въ своемъ памфлетѣ различныя обвиненія, заявляетъ однако, что основнымъ мотивомъ дѣятельности Новосильцова было стремленіе къ „величію Имперіи“.

⁴⁰⁾ „Русскій Архивъ“ 1873 г. и отдѣльное изданіе: Москва, 1873 г.

⁴¹⁾ „Историческія замѣтки о сѣверо-западной Россіи“ Вильна 1867 г. Періодъ II, стр. 30.

⁴²⁾ Живя въ Варшавѣ, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ польскими учеными славистами того времени Мацѣевскимъ, Раковецкимъ и другими, которые пользовались его богатой бібліотекой.

Положеніе Новосильцова въ Варшавѣ при вспылчивомъ и перовномъ характерѣ цесаревича, не умѣвшемъ разобраться въ томъ, что происходитъ вокругъ него, было пелегвимъ. Выходки противъ него польскихъ воротилъ, стремившихся выжить русскихъ изъ Варшавы независимо отъ того хороши они или не хороши, и оскорбленія, наносимыя ими его національному самолюбію, дѣлали его положеніе еще болѣе труднымъ. Было-бы неудивительно, если-бы при такихъ условіяхъ у него явилась раздражительность, въ чемъ его и упрекаютъ, но врядъ-ли основательно. Въ доказательство его раздражительности приводятъ, напр., его фразу, сказанную имъ въ частной бесѣдѣ съ депутатами сейма: „*Souvenez vous, messieurs, que celui qui vous a octroyé la constitution, peut vous l’ôter*“, но, спрашивается, что-же могъ кромѣ этого сказать императорскій комиссаръ послѣ того, какъ всѣ его увѣщанія не могли успокоить представителей оппозиціи и развѣ онъ не имѣлъ права и основанія сказать это?

Вспыхнувшее въ Варшавѣ въ ноябрѣ 1830 года возстаніе застало Новосильцова въ Вильнѣ; въ 1831 году онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ по преобразованію Царства Польскаго. Въ 1832 онъ занялъ посты предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, а въ 1833 былъ возведенъ въ графское достоинство.

VIII.

Дарованная императоромъ Александромъ I Царству Польскому конституція была сходна съ данной Франціи Людовикомъ XVIII. Согласно конституціи корона Царства считалась наследственной въ царствующей династіи по законамъ Имперіи; царь въ свое отсутствіе назначаетъ въ Царствѣ намѣстника; внѣшнія политическія отношенія Царства общи съ Имперіей; царю принадлежитъ право опредѣлять степень участія Царства въ войнахъ Россіи и заключаемыхъ ею трактатахъ; свобода вѣроисповѣданій, личности и печати обезпечивается закономъ; господствующее вѣроисповѣданіе — католическое; все дѣлопроизводство въ Царствѣ ведется на польскомъ языкѣ; на военные и гражданскія должности назначаются поляки; органомъ представительства является сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ; одну изъ нихъ образуетъ сенатъ, другую — депутаты; государственный совѣтъ состоитъ изъ министровъ и лицъ, назначаемыхъ государемъ; въ отсутствіи царя въ немъ предсѣдательствуетъ намѣстникъ, исполненіе законовъ ввѣряется пяти комиссіямъ (министерствамъ); при особѣ царя состоитъ особый статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго; сеймъ собирается по призывамъ царя каждые 2 года; сеймъ не имѣетъ права заниматься дѣлами, не подлежащими его вѣдѣнію и не указанными въ призывномъ актѣ царя; засѣданія сейма публичны; принятый обѣими палатами сейма законопроектъ представляется на утвержденіе царя; сеймовые депутаты избираются на 6 лѣтъ.

Намѣстникъ Царства Заіончекъ, по словамъ Козьяна, былъ убѣжденъ въ томъ, что Польша можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіей, что поляки должны прекратить хлопоты о пріобрѣтеніи независимости и стремиться подъ покровительствомъ Россіи къ подъему экономической жизни своей страны, что было въ то время особенно необходимымъ, такъ какъ Царство Польское перешло къ намъ совершенно разореннымъ вслѣдствіе неурядицы, царившей въ Рѣчи Посполитой, и послѣдовавшихъ послѣ паденія ея войнъ. Въ 1811 г. государственный долгъ варшавскаго герцогства составлялъ 91 милліоновъ злотыхъ (злотый — 15 коп.) и вслѣдствіе истощенія платежныхъ силъ населенія правительство должно было прекратить уплату жалованья чиновникамъ. Война 1812 г. окончательно разорила герцогство. Вслѣдствіе непрестанныхъ войнъ населеніе не увеличивалось, а уменьшалось: земля обезцѣпилась на 62%, имѣнія были обременены громадными долгами, городскіе жители также бѣгствовали. Заіончекъ и нѣкоторые изъ польскихъ министровъ, особенно Мостовскій и князь Любецкій-Друцкій, направили свою дѣятельность къ подъему экономического положенія края, и ихъ усилія быстро увѣнчались успѣхомъ, чего достигнуть правителямъ Царства

было, впрочемъ, нетрудно, такъ какъ для этой цѣли въ ихъ распоряженіе отпущались сотни милліоновъ рублей изъ казначейства Имперіи. Благосостояніе населенія увеличивалось, города росли и застраивались. Въ періодъ 1815—30 годовъ были реставрированы варшавскій Замокъ, устроены около него всѣячіе сады, Саксонскій и Красинскій сады были расширены, расчищены и обнесены чугунными оградами, была проведена и усажена тополями Иерусалимская Аллея, поставленъ памятникъ Копернику, перестроены зданія Казиміровскаго дворца, въ которомъ помѣстился университетъ, выстроенъ монетный дворъ, красивое зданіе „Общества любителей наукъ“, и много другихъ. Зданія, построенныя въ этомъ періодѣ времени усердно украшались одноглавыми польскими орлами. И не только на зданіяхъ, но даже, напр., на колодцахъ изображались эти орлы: до сихъ поръ сохранился въ Варшавѣ на Красинской площади устроенный въ 1824 году колодець, съ двумя одноглавыми орлами. Послѣ возстанія 1830 г. эти орлы были удалены со многихъ зданій. Рассказываютъ, что во время пребыванія въ Варшавѣ въ 1832 году императора Николая I его спросили, оставить-ли на башнѣ варшавскаго Замка одноглавый орелъ въ воспоминаніе, что этотъ Замокъ былъ резиденціей польскихъ королей, или-же замѣнить двуглавымъ. Государь, какъ говорятъ, отвѣтилъ: „оставить эту птицу“, — и „птица“ осталась до сей поры.

Установленное конституціонной хартіею устройство Царства было окончательно введено въ 1818 г. и въ этомъ году былъ созванъ императоромъ Александромъ I первый сеймъ Царства Польскаго. Императоръ прибылъ для открытія сейма въ Варшаву съ большой и блестящей свитой. Въ ней находились: кн. Волконскій, гр. Уваровъ, кн. Меншиковъ, Чернышевъ, гр. Милорадовичъ, Сѣверинъ, Марченко, Каподистрія и другіе. „Все съѣхались, — говоритъ князь Вяземскій, — болѣе или менѣе доброжелательными и вѣжливыми гостями; даже и несовершенно сочувствовавшіе возрожденію Польши увлекались новостью и блестящею обстановкою зрѣлища“⁴³⁾). Впрочемъ, мы увидимъ ниже, что не все русскіе были настроены такъ оптимистически. Поляки встрѣтили государя очень торжественно: баламъ и пирамъ не было конца. Государь часто проводилъ свободное отъ занятій время у цесаревича и посѣщалъ балы и пиры вмѣстѣ съ нимъ. Цесаревичъ показывалъ государю „свою“ польскую армію, которую государь очень хвалилъ.

Квартировавшіе въ Варшавѣ русскіе полки, включенные въ составъ польскихъ дивизій, принимали участіе во всѣхъ парадахъ и смотрахъ. „На одномъ, изъ смотровъ, — рассказываетъ въ своихъ запискахъ Паскевичъ, находившійся въ то время въ Варшавѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ проездомъ за-границу, — подхожу я къ графу Милорадовичу и графу Остерману-Толстому и спрашиваю: что изъ этого будетъ? Гр. Остерманъ отвѣчалъ: а вотъ что будетъ — черезъ 10 лѣтъ ты со своей дивизіей будешь Варшаву штурмомъ брать“⁴⁴⁾). Передавая это вѣрное предсказаніе, Паскевичъ замѣчаетъ, что государь и цесаревичъ отдавали въ Варшавѣ польскимъ генераламъ явное предпочтеніе передъ русскими, даже передъ такими заслуженными, какъ Милорадовичъ и Остерманъ-Толстой.

⁴³⁾ Кн. Вяземскій. „Полное Собраніе Сочиненій“. СПб. 1878 г. Стр. XII.

⁴⁴⁾ Кн. Щербатовъ: „Генераль-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ“. Т. I. Стр. 330.

Первое засѣданіе сейма 1818 года происходило 15 марта. Государь, продолжавшій тогда увлекаться парламентаризмомъ и мечтавшій о постепенномъ расширеніи порядковъ Царства на все области Россіи, открылъ сеймъ рѣчью, въ которой между прочимъ, говорилось: „Не имѣя возможности всегда находиться посреди васъ (поляковъ), я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго моего сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Знал мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, навыкомъ къ порядку, который только въ мирное время пріобрѣтается и приготовляетъ воина къ его истинному назначенію. Одинъ изъ достойныхъ полководцевъ вашихъ (Заіончекъ) представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ оказывать преданность свою отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ мой выборъ“⁴⁵). Далѣе въ этой рѣчи государь высказалъ, что онъ исполнилъ доволенъ результатами введенія конституціи въ Царствѣ, и добавилъ: „Вы (поляки) даете мнѣ случай показать моему отечеству то, что я давно для него приготовляю, и что оно въ свое время получить“⁴⁶). Государь былъ въ то время настолько расположенъ къ полякамъ, что даже склонился къ присоединенію къ Царству, если не всего, то части западнаго края⁴⁶). Либеральные кружки въ Петербургѣ и Москвѣ были обрадованы варшавской рѣчью государя и сочувствовали полякамъ, многіе русскіе были обижены тѣмъ, что поляки ставятся въ образецъ русскимъ, а около года спустя Карамзинъ представилъ государю свою извѣстную записку, въ которой высказался противъ усвоенной Россіею польской политики.

Засѣданія сейма происходили въ одной изъ залъ Замка въ присутствіи многочисленной публики; для государя былъ приготовленъ тронъ, съ котораго онъ говорилъ; на ступеняхъ трона по правую руку стоялъ цесаревичъ, а по лѣвую сидѣлъ Заіончекъ, потерявшій въ войнахъ ноги; около него ступенью ниже стоялъ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго графъ Грабовскій; государь говорилъ по французски, а Грабовскій передавалъ его слова по польски. Государь открывалъ и закрывалъ сеймъ; на засѣданіяхъ-же сейма онъ не присутствовалъ, по ему представлялись подробные протоколы о нихъ. Первый сеймъ прошелъ довольно спокойно, но вскорѣ послѣ закрытія его обнаружили признаки броженія въ польскомъ обществѣ: съ одной стороны начала проявлять себя явная оппозиція, а съ другой стали возникать тайны общества. Въ память перваго сейма была выбита медаль: многіе дѣлали изъ этихъ медалей запонки и булавки для галстуковъ. Во время пребыванія въ Варшавѣ въ 1818 году императоръ Александръ I посѣтилъ готовившійся къ открытію варшавскій Александровскій университетъ, торжественно открытый 2 мая 1818 года, нѣсколько дней спустя отъѣзда

⁴⁵) „Русская Старина“ 1877 г. Статья Карновича „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ“ кн. 9. Стр. 93.

⁴⁶) Императоръ поручилъ тогда Новосильцову составить историческую выписку о соединеніи Литвы съ Польшей. Записка была готова въ 1819 г. Она напечатана въ „Рус. Старинѣ“ 1882 г.

Открытие императоромъ Александромъ I варшавскаго университета въ 1818 году.
(Съ картины Бродовскаго).

государя и вручилъ ректору грамоту объ открытіи университета. Уѣзжая изъ Варшавы, государь императоръ поручилъ Новосильцову составить проектъ политическаго переустройства Россіи. Результатомъ работы Новосильцова явилась „Государственная Уставная Грамота“. (Она напечатана въ приложеніи къ IV тому труда Н. К. Шильдера „Александръ I, его жизнь и царствованіе“). Въ 1818 году посѣтила также Варшаву императрица Марія Федоровна.

Въ 1820 г. государь пріѣхалъ въ Варшаву для открытія второго сейма. И теперь по случаю пріѣзда государя былъ устроенъ въ Варшавѣ рядъ баловъ и парадовъ. Государь, какъ и первый разъ, остался доволенъ польской арміей, за вѣрность которой ручался цесаревичъ, но большая часть офицеровъ коей принадлежала уже тогда къ революціоннымъ обществамъ. Въ настроеніи государя произошла, однако, уже нѣкоторая перемѣна, а поляки съ меньшимъ пыломъ высказывали ему свою преданность. Рѣчь, сказанная имъ въ этотъ разъ, значительно разшилась отъ рѣчи на первомъ сеймѣ. Въ ней, между прочимъ, было сказано: „Духъ зла покушается снова похитить власть, онъ паритъ уже надъ частью Европы и накопляетъ злодѣянія и бѣдственные событія“. Засѣданія сейма на этотъ разъ происходили бурно: оппозиція, во главѣ которой стояли калишскіе помѣщики два брата Немоевскихъ, позволяла себѣ разныя выходки. Депутатомъ на сеймъ отъ предмѣстья Варшавы, Праги, былъ избранъ цесаревичъ, который послалъ за себя генерала Чернышева: когда Чернышевъ попытался заговорить, его заставили замолчать.

На одномъ изъ засѣданій сейма старый ученый и филантропъ Сташицъ обратился съ рѣчью, въ которой совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ успокоиться и быть преданными Россіи. „Господа, — говорилъ онъ, — вы опять начинаете ссоры и споры врезныхъ польскихъ сеймовъ съ тропомъ. Вспомните, чѣмъ мы были недавно. Насъ завоевали и, такъ сказать, мы не существовали; великодушный императоръ создалъ насъ и надѣлилъ такими правами и вольностями, какихъ только мы могли пожелать. Едва лишь мы ожили вмѣсто заявленія благодарности и разумнаго послушанія, мы волнуемся и возстаемъ и противъ кого? Противъ власти, которая какъ создала насъ, такъ можетъ однимъ дуновеніемъ уничтожить“. . . Шумъ и крикъ не позволили Сташицу окончить эту рѣчь. Заіончекъ, не чаявшій добра отъ конституціи, просилъ государя разрѣшить принять мѣры для сокращенія конституціонныхъ вольностей, но государь не согласился на это. Заіончекъ рѣшился было пустить въ ходъ средство, къ которому прибѣгали русскіе посланники въ Польшѣ при Екатеринѣ II, — деньги (это-же средство употребляли и заправили возстанія 1830 г., вербуя революціонную партію), но государь положительно запретилъ прибѣгать къ подкупу, видя „въ свободѣ и независимости выборовъ единственное ручательство искренности и преданности жителей“⁴⁷⁾.

Послѣ второго сейма все сильнѣе стали сказываться признаки революціоннаго настроенія поляковъ. Лица, вѣрные Россіи, какъ, напр., намѣстникъ Заіон-

⁴⁷⁾ „Историч. Вѣсти.“ 1883 г. кн. ст. Уманца „Александръ I и русская партія въ Польшѣ“
Стр. 41.

честь, навлекали на себя крайнюю ненависть. Когда онъ умеръ въ 1826 году, никто изъ близкихъ его друзей, не рѣшился, боясь скандала, произнести рѣчь надъ его могилой. Такою-же нелюбовью пользовались преданные Россіи польскіе генералы Рожнецкій и Красинскій, удалившіеся вмѣстѣ съ цесаревичемъ изъ Варшавы, когда вспыхнулъ въ 1830 году бунтъ. Это были люди, сражавшіеся подъ польскими знаменами за независимость Польши, пока считали возможнымъ достичь этого, и ставшіе затѣмъ, присягнувъ въ 1815 г. на вѣрность императору Александру I, вѣрными русскому государю. Революціонная партія всячески старалась уронить ихъ въ глазахъ польскаго общества. О нихъ слагались стихи и пѣсни, въ которыхъ они выставлялись въ непривлекательномъ видѣ. До сихъ поръ большинство поляковъ не любитъ ихъ. Даже В. Д. Спасовичъ⁴⁸⁾, усердно выдающій себя за горячаго сторонника русско-польскаго примиренія, говоритъ о генералѣ Красинскомъ съ нескрываемою антипатіей.

Быстро развивавшееся революціонное настроеніе поляковъ и другія причины привели къ тому, что созваніе третьяго сейма долго откладывалось. Въ 1823 году въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска были произведены большіе маневры въ присутствіи государя. Въ маневрахъ участвовали: литовскій корпусъ, польская армія и варшавскіе русскіе полки. Императоръ остался очень доволенъ маневрами и многократно въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ цесаревича. На этихъ маневрахъ произошелъ, встревожившій многихъ, случай: лошадь одного полковника польской арміи лягнула государя въ берцо. Взволнованный цесаревичъ приказалъ - было назначить строгое слѣдствіе, но государь повелѣлъ не наказывать полковника, считая происшедшее случайностью. Поляки ожидали, что государь пріѣдетъ изъ Бреста въ Варшаву и созоветъ сеймъ, но государь не пріѣхалъ. Въ началѣ 1825 г. въ виду возраставшаго въ Царствѣ броженія послѣдовало распоряженіе, чтобы сеймовыя засѣданія происходили при закрытыхъ дверяхъ. Въ концѣ мая государь прибылъ въ Варшаву для открытія третьяго сейма. В. Немоевскій, главная сила оппозиціи, не былъ допущенъ къ участию въ сеймѣ. Несмотря на это и на нѣкоторыя другія мѣры, принятыя для обузданія оппозиціи, сеймовыя засѣданія происходили очень бурно. Лейбъ-хирургъ императора Александра I Тарасовъ замѣчаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“⁴⁹⁾, что изъ протоколовъ засѣданій сейма „его величество усматривалъ, что депутаты вмѣсто сужденій о благоустройствѣ и общихъ интересахъ Царства занимались пустыми спорами и мелочными дѣлами, до ихъ личностей относящимися“. Къ этому присоединялись противуправительственныя выходки. Дѣло дошло до того, что по поводу преній о бюджетѣ императоръ замѣтилъ „если Царство не умѣетъ само содержать себя, то его нужно организовать другимъ образомъ“. Польскимъ войскомъ государь остался доволенъ и въ этотъ разъ, но вообще онъ уѣхалъ изъ Варшавы разочарованнымъ въ полякахъ и конституціи. Оставивъ въ іюні Варшаву, государь осенью отправился на югъ и вскорѣ умеръ въ Таганрогѣ. Въ Вар-

⁴⁸⁾ См. его статью о сынѣ генерала Красинскаго поэтѣ Красинскомъ въ 32 полутомѣ „Энциклоп. Сл.“ Ефрона и Брокгауза.

⁴⁹⁾ „Русская Старина“ 1872 г.

шавъ въ это время находился въ гостяхъ у цесаревича великій князь Михайлъ Павловичъ. Въ послѣдніе дни болѣзни государя цесаревичъ получалъ ежедневно донесенія, но скрывалъ содержаніе ихъ отъ всѣхъ, даже отъ брата Михаила. Получивъ 25 ноябрю извѣстіе о кончинѣ государя, Константинъ Павловичъ сообщилъ объ этомъ только жепѣ и брату Михаилу Павловичу, отдавъ распоряженіе, чтобы всѣ окружавшіе его лица собрались на слѣдующій день у него раннимъ утромъ въ Брюловскомъ дворцѣ. Всю ночь цесаревичъ провелъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михайломъ въ молитвѣ и рыданіяхъ. Утромъ 26 ноябрю у цесаревича собрались его приближенные, которымъ онъ объявилъ съ плачемъ о кончинѣ брата.

— „Нашъ ангелъ отлетѣлъ, говорилъ онъ, — и потерялъ въ немъ друга, а Россія отца своего. Кто насъ поведетъ теперь къ побѣдамъ? Гдѣ нашъ вождь? Россія осиротѣла, Россія пропала“ . . .

Воцарилось молчаніе: вѣсть о кончинѣ государя была неожиданностью. Наконецъ, состоявшій при цесаревичѣ капитанъ-командоръ Колзаковъ обратился къ цесаревичу:

— Ваше императорское величество! Россія не пропала, а привѣтствуетъ...

Цесаревичъ рѣзко прервалъ его и съ гнѣвомъ закричалъ:

— Замолчите-ли вы! Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова! кто далъ вамъ право предрѣшать дѣла, до васъ не касающіеся? Знаете-ли чему вы подвергаетесь? Знаете-ли, что за это въ Сибирь и кандалы сажаютъ? Извольте идти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу!

Обратившись къ остальнымъ, цесаревичъ продолжалъ:

— У васъ сердца нѣтъ, вся ваша преданность ко мнѣ одна маска! Вы желали-бы видѣть меня на тронѣ только изъ личпыхъ видовъ . . .

Такъ какъ отреченіе отъ престола цесаревича никому не было извѣстно, то всѣ были озадачены его поведеніемъ. Арестованный Колзаковъ былъ вскорѣ освобожденъ пачальникомъ штаба Курутой. Колзаковъ спросилъ Куруту, что все это значить, но тотъ отвѣтилъ:

— Да какое вамъ дѣло, шоп снэг, до этого. Россія пропала . . . Ну, Христосъ съ пей, — пропала! На словахъ все можно сказать, но къ чему возражать!

Цесаревичъ прекратилъ пріемъ докладовъ и допускалъ къ себѣ начальствующихъ лицъ только въ случаѣ крайней надобности. На называвшихъ его „вашимъ величествомъ“ онъ раздражался гнѣвомъ.

Между Варшавой и Петербургомъ началась оживленная переписка. Курута, Жандръ, Новосильцовъ и Моренгеймъ были посвящены въ тайну, но подъ строжайшимъ запрещеніемъ выдавать ее. Новосильцовъ, Моренгеймъ и Жандръ вели переписку. Николай Павловичъ не удовольствовался отреченіемъ, даннымъ цесаревичемъ при жизни императора Александра I, и во избѣжаніе всякихъ толковъ и недоразумѣній пожелалъ, чтобы Константинъ Павловичъ, ставъ по закону престолонаслѣдія государемъ, повторилъ отреченіе. Какъ видно, нацримѣръ, изъ писемъ цесаревича къ Лагарпу, ему было тяжело разставаться съ престоломъ, и у него были моменты колебанія. Жена его, княгиня Ловичъ, просила его не колебаться и категорически повторить отреченіе. Изъ Петербурга стали являться гонцы,

офицеры, чиновники, и всѣмъ имъ доставалось за титуль „величество“. Одинъ изъ нихъ, адъютантъ военнаго министра Сабуровъ, нашелся и, докладывавъ цесаревичу, невятно произносилъ „ваше в . . . ство“. Цесаревичъ это замѣтилъ, но ничего не сказалъ ему, а впослѣдствіи рассказывалъ со смѣхомъ о хитрости Сабурова. Въ городѣ волновались, недоумѣвая, что все это означаетъ. Отъ Куруты, Жандра, Новосильцова и Моренгейма ничего нельзя было добиться; пробовали обратиться къ княгинѣ Ловичъ, но тоже ничего не узнали. Когда намѣстникъ Заіончекъ пріѣхалъ къ Курутѣ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, послѣдній убѣждалъ по черной лѣстницѣ. Послѣ долгихъ ожиданій и волненій, наконецъ, все разъяснилось: цесаревичъ собралъ приближенныхъ въ Брюловскій дворецъ и объявилъ, что сохраняя по чести данное покойному брату слово, онъ отрекся отъ престола. Затѣмъ показалъ Новосильцову, хорошо знавшему почеркъ покойнаго государя, письмо покойнаго по этому дѣлу и сказалъ, что онъ выразилъ императору Николаю желаніе остаться на службѣ въ занимаемыхъ должностяхъ обѣщаясь вѣрно служить, — если-же императоръ не пожелаетъ оставить его, то онъ выйдетъ въ отставку и поселится въ Варшавѣ въ Лазенковскомъ дворцѣ или за границей ⁵⁰).

Съ 28 марта по 11 апрѣля 1826 г. въ Варшавѣ происходили траурныя церемоніи по особому церемоніалу, причѣмъ было совершено символическое погребеніе тѣла императора Александра I. „Погребальный поѣздъ, — рассказываетъ Козьянъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, — проходилъ по главнымъ варшавскимъ улицамъ посреди войска и огромнаго стеченія жителей. Великій князь слѣдовалъ за гробомъ въ сопровожденіи сената, министровъ, членовъ судебной корпораціи; въ костелѣ св. Яна совершено было торжественное богослуженіе. Подъ конецъ его архіепископъ Вороничъ взошелъ на кафедру и въ прекрасной трогательной рѣчи воздалъ честь заслугамъ почившаго монарха, а калишскій епископъ произнесъ молитву за упокоеніе его души“. По увѣренію Козьяна, вскорѣ послѣ этого папа римскій сдѣлалъ выговоръ варшавскому католическому духовенству за то, что оно совершило эту церемонію по случаю смерти иновѣрнаго монарха.

По случаю кончины государя въ Варшавѣ была отчеканена медаль, снимокъ съ которой въ настоящую величину приводимъ:

(Надпись на лицевой сторонѣ: Александръ I, императоръ всероссійскій, царь польскій.

На оборотной: Польша, оплакивающая своего благодѣтеля. 1826).

⁵⁰) „Русская Старина“ 1870 года „Воспоминанія“ Данилова и 1873 года „Воспоминанія“ Колзакова.

IX.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича броженіе среди поляковъ не улеглось. Въ 1828 году въ Варшавѣ былъ произведенъ судъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ; нѣкоторые изъ этихъ обществъ находились въ связи съ декабристами. Поляки требовали оправданія заговорщиковъ, и польскіе сановники за исключеніемъ генерала Красинскаго, протестовавшаго противъ оправданія, оправдали ихъ. Государь остался очень не доволенъ такимъ исходомъ дѣла и сдѣлалъ выговоръ сановникамъ, оправдавшимъ заговорщиковъ. Это дало поводъ толкамъ о нарушеніи конституціи, явились даже слухи, что императоръ хочетъ отнять у Царства Польскаго конституцію и автономію. Общеизвѣстно, что императоръ Николай не былъ поклонникомъ конституціонныхъ началъ, но до мятежа 1830 г. онъ соблюдалъ конституцію, предоставленную Царству, считая своимъ долгомъ исполнять данныя полякамъ императоромъ Александромъ обѣщанія. Приступая къ турецкой войнѣ 1828 — 1829 г., императоръ пожелалъ, чтобы въ войнѣ приняла участіе и польская армія. Государь полагалъ, что совмѣстная боевая жизнь и общія побѣды сблизятъ русскихъ съ поляками, и что поляки, сражавшіеся въ прошлые вѣка противъ турокъ и стяжавшіе военную славу за побѣду надъ турками подъ Вѣной подъ предводительствомъ Яна Собѣскаго, охотно будутъ участвовать въ этой войнѣ. Но цесаревичъ воспротивился участію польскихъ войскъ, а польская революціонная партія, которой нужна была армія для мятежа, боясь, что участіе ея въ войнѣ на время ослабитъ ее, поддерживала въ цесаревичѣ мысль о недопущеніи польской арміи къ участію въ войнѣ. Доказывая, что война портитъ духъ въ арміи и высказывая несочувствіе цѣли турецкой войны, Константинъ Павловичъ добился уступки со стороны государя. По замѣчанію гр. Блудовой, отношенія между цесаревичемъ и императоромъ были тогда настолько „ненормальны“, что государь вынужденъ былъ уступить своему старшему брату, которому часто старался угождать, какъ старшему члену семьи. Цесаревичъ не могъ примириться въ душѣ, что младшій братъ сталъ выше его. Въ донесеніяхъ на имя государя и въ письмахъ къ Опочинину, предназначавшихся для доклада государю, онъ старался выказать наибѣйшую покорность, но съ отѣвкомъ язвительности. „Сдѣлай одолженіе, — сказалъ разъ императоръ Николай Опочинину по поводу этихъ изъявленій покорности и преданности, — упрости брата, чтобы онъ не повергалъ себя болѣе къ моимъ стопамъ“.

Во время войны польскіе агитаторы усердно распространяли слухи, что турки бьютъ русскихъ. Эти слухи и толки задѣвали честь русскаго воина въ цесаревичѣ и очень сердили его. Рассказываютъ, что, когда въ Варшавѣ распростра-

нился слухъ о пораженіи русскихъ подъ Варной, цесаревичъ приказалъ привести къ себѣ перваго, кто будетъ говорить объ этомъ. Вскорѣ къ цесаревичу былъ доставленъ обыватель, толковавшій о нашей мнимой неудачѣ подъ Варной. Цесаревичъ приказалъ немедленно отправить его подъ конвоемъ на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы онъ во-очію убѣдился въ настоящемъ положеніи дѣла и по возвращеніи въ Варшаву рассказалъ всѣмъ, что на самомъ дѣлѣ происходитъ на войнѣ.

По окончаніи войны государь подарилъ Варшавѣ двѣ отбитыя у турокъ подъ Варной пушки въ память войны поляковъ съ турками при Владиславѣ-„Варненчикѣ“, погибшемъ при Варнѣ, а затѣмъ отпустилъ средства на ремонтъ часовни, находящейся въ построенномъ Яномъ Собѣскимъ костелѣ Преображенія Господня. Въ этой часовнѣ хранятся сердце и внутренности Собѣскаго. Въ ней сооруженъ на средства императора Николая I саркофагъ и сдѣлана надпись: „Николай I, царь польскій, — своему предшественнику“. Вскорѣ послѣ войны было объявлено, что государь будетъ короноваться въ Варшавѣ польской короной.

Мѣсяца за два до пріѣзда государя умеръ сенаторъ Бѣлинскій, подъ предсѣдательствомъ котораго были оправданы участники польскихъ тайныхъ обществъ. Похоронамъ его былъ приданъ характеръ политической демонстраціи. Государь прибылъ въ Варшаву для коронаванія утромъ 5 мая 1829 года. У заставы государя ожидалъ цесаревичъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, пріѣхавшимъ въ Варшаву нѣсколькими днями раньше, свита цесаревича, генералы, отрядъ войска, четыре польскихъ министра и Новосильцовъ. Послѣдній и польскіе министры пріѣхали въ золоченыхъ каретахъ. Здѣсь-же находился президентъ города съ хлѣбомъ-солью, а вокругъ стояло множество народа. Принявъ строевой рапортъ отъ цесаревича и поздоровавшись съ войскомъ, государь выслушалъ привѣтствіе президента города. Затѣмъ онъ и прибывшіе съ нимъ императрица и наслѣдникъ вошли съ цесаревичемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ позавтракать въ небольшой домикъ, построенный у заставы ко дню пріѣзда государя. По окончаніи завтрака сигнальная ракета возвѣстила о вѣздѣ государя въ Варшаву. Немногіе оставшіеся въ живыхъ очевидцы этого вѣзда рассказываютъ, что онъ представлялъ чрезвычайно блестящую и торжественную картину. Вѣздъ совершался по мосту черезъ Вислу. Его величество, наслѣдникъ, великіе князья, свита и генералитетъ ѣхали верхомъ, а императрица и министры съ Новосильцовымъ въ парадныхъ каретахъ. При звукахъ военной музыки, колокольномъ звонѣ во всѣхъ костелахъ и несмолкаемыхъ кликахъ народа кортежъ прибылъ къ Замку. Въ замковой церкви былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи котораго государь посѣтилъ цесаревича и его супругу. Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминированъ. Со слѣдующаго дня начались парады и смотры, а также приемы въ Замкѣ.

Народъ встрѣчалъ на улицахъ государя громкими криками „вивать“. На смотры и парады государь пріѣзжалъ въ польскомъ мундирѣ съ лентой Бѣлаго Орла. Коронація состоялась 12 мая. Торжество коронаванія происходило въ сенатскомъ залѣ Замка. Пріѣхавшій въ Варшаву съ императоромъ въ числѣ прочихъ лицъ извѣстный поэтъ В. А. Жуковскій такъ описалъ торжество коронаванія въ 63 № „Сѣверной Пчелы“ 1829 г.: „На одномъ концѣ ея (т. е. великолѣпно

убранной сенатской залы) воздвигнуть былъ тронъ: два кресла стояли на возвышеніи подъ балдахиномъ, на коемъ изображены были всѣ гербы воеводствъ и городовъ Царства Польскаго и посреди въ двуглавомъ орлѣ Россіи бѣлый орелъ Польши. Посреди залы возвышался крестъ; вдоль стѣнъ справа, слѣва и насупротивъ тропа стояли сенаторы, пунціи и депутаты Царства; надъ ними на балконѣ, поддерживаемомъ колоннами находились дамы Варшавы“. Государь, государыня и августѣйшія особы прослушали обѣдно въ замковой православной церкви, а затѣмъ „государь вошелъ въ залу сената, предшествуемый зпатѣйшими сановниками песущими регалии, епископами и архіепископомъ; за ними государыня уже въ коронѣ и порфирѣ, его высочество наследникъ, великіе князья цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ и сановники придворные“. Архіепископъ произнесъ молитву и провозгласилъ государя польскимъ королемъ. При послѣднемъ

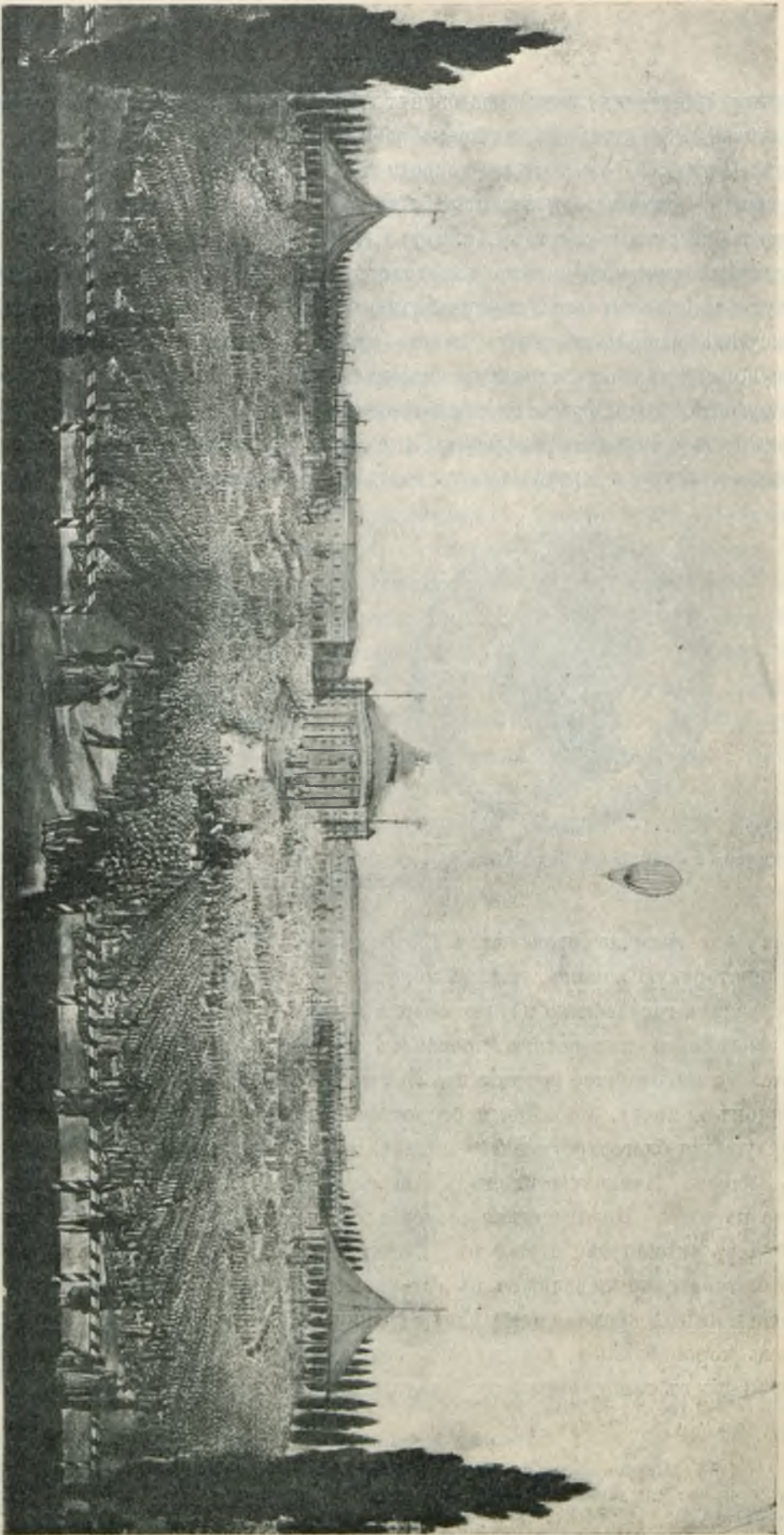

Снимокъ въ дѣйствительную величину, съ медали въ память коронаванія Императора Николая I въ Варшавѣ въ 1829 г. ⁵¹⁾.

словъ его грянули стоявшія у Вислы пушки. Послѣ этого государь возложилъ императорскую корону, надѣлъ порфиру и принялъ въ руки державу и скипетръ и украсилъ государыню цѣпью ордена Бѣлаго Орла. Государь и государыня стали на колѣна, и императоръ произнесъ молитву на французскомъ языкѣ. Затѣмъ началось высочайшее шествіе изъ Замка въ костелъ св. Яна по обитому краснымъ сукномъ помосту, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли шалерами войска. По выслушаніи благодарственнаго молебна въ костелѣ, высочайшее шествіе вернулось въ Замокъ. Замковую площадь, по словамъ Жуковскаго, покрывала „огромная туча народа“. Политическое значеніе этого коронаванія В. А. Жуковскій опредѣляетъ въ упомянутой статьѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ слѣдующимъ образомъ: „День сей останется незабвеннымъ въ лѣтоислхъ Польши. Имъ окончательно утверждено бытіе и на всѣ времена опредѣлены границы Царства Польскаго. Симв торжественнымъ коронаваніемъ запечатлѣнъ союзъ двухъ народовъ“ ⁵²⁾. Вечеромъ въ день коронаціи въ театрѣ состоялся парадный спектакль. Была дана опера „Цецилія Пясе-

⁵¹⁾ Вокругъ надписи: „Николай I, императоръ всероссійскій, царь польскій“. На оборотной сторонѣ: „Величіе воскресило (Польшу). Кор. (онованъ) въ Варшавѣ 1829 г. Вѣрность утвердить“.

⁵²⁾ „Полное Собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго“. СПб. 1878, т. V, стр. 482.

Народное гулянье въ Варшавѣ на Уjazdовской площади по случаю коронаванія императора Николая I польской короной.

(Съ литографированной картины Горварда).

чинская“, проникнутая польскимъ воинственно-патріотическимъ духомъ, а 16 мая послѣ развода состоялся на Уяздовской площади по случаю коронаціи народное гулянье. Тамъ были устроены разныя увеселенія и накрыты столы на 10,000 человѣкъ. Государь во время пребыванія въ Варшавѣ роздалъ много наградъ. Въ честь его былъ устроенъ рядъ баловъ. Судя по отчетамъ тогдашнихъ газетъ торжества прошли блестяще, но подпольная революціонная работа кипѣла въ это время, и даже былъ составленъ планъ покушенія на государя въ день коронаціи, не приведенный въ исполненіе по недостатку рѣшимости у заговорщиковъ. Признаки революціоннаго броженія сказались даже при коронаціи: всѣ депутаты отъ воеводствъ должны были повторить произнесенныя епископомъ при коронаціи слова „Vivat rex in aeternum“, „между тѣмъ, — говоритъ біографъ императрицы Александры Федоровны, — они молчали; впоследствии они извинились тѣмъ, что повтореніе этихъ словъ не было включено въ церемоніаль, но всѣ знали, что это была условленная заранѣе демонстрація. Тотчасъ послѣ коронаціи какой-то полякъ потребовалъ у императора въ неприличныхъ выраженіяхъ объясненія на счетъ участи своего брата. Зубная боль помѣшала государю быть на балу, и поляки объяснили это гнѣвомъ. Когда народное гулянье было прервано грозой, то въ этомъ всѣ видѣли дурное предзнаменованіе. Самъ Николай Павловичъ былъ доволенъ, когда оставилъ Варшаву, и сказалъ, уѣзжая, императрицѣ, что они были на вулканѣ, который уже десять лѣтъ грозитъ изверженіемъ“⁵³⁾). Изъ Варшавы царская семья уѣхала за границу.

⁵³⁾ „Императрица Александра Федоровна“, біографическій очеркъ С. П. Яковлева. М. 1867.

Х.

Приближался роковой 1830 годъ. Воздухъ все болѣе насыщался электричествомъ, чувствовалось приближеніе взрыва. Все чаще стали повторяться случаи избіенія русскихъ солдатъ. Отношенія между русскими и польскими офицерами приняли совершенно натянутый характеръ. Появились слухи о готовящейся рѣзни русскихъ. Въ великомъ посту 1830 года въ виду крайняго раздраженія поляковъ противъ русскихъ цесаревичъ воспретилъ русскимъ офицерамъ и солдатамъ (даже католикамъ, служившимъ въ русскихъ полкахъ) не только входить въ костелы, но и проходить вблизи ихъ. Весною прибылъ государь для открытія сейма. Новосильцовъ опасался дерзкихъ выходовъ на сеймѣ и, доложивъ государю о настроеніи поляковъ, просилъ разрѣшенія подкупить руководителей оппозиціи, но государь отвергнулъ это средство, находя недостойнымъ правительства входить въ сдѣлки съ оппозиціей. Благодаря тактѣ государя, сеймовыя засѣданія, на которыхъ, между прочимъ, было рѣшено соорудить въ Варшавѣ памятникъ императору Александру I, прошли сравнительно спокойно. Когда государь оставилъ Варшаву, снова заговорили о предстоящемъ избіеніи русскихъ. Русскіе начали собираться по вечерамъ въ двухъ-трехъ домахъ и просиживать до 4 — 5 часовъ утра. Особенно многочисленныя „посидѣлки“ бывали у командира лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Маркова. Цесаревичъ, утверждаемый въ этомъ большинствомъ польскихъ генераловъ и сановниковъ, не допускалъ возможности революціи и былъ убѣжденъ, что польскія войска не измѣнятъ ему. Онъ слишкомъ любилъ поляковъ, чтобы допустить съ ихъ стороны возможность измѣны. Поляки увѣряли цесаревича, что Новосильцовъ единственно изъ ненависти къ нимъ обвиняетъ ихъ въ революціонныхъ замыслахъ, и что генераль Рожнецкій, завѣдывавшій тайной полиціей и жандармами, дѣйствуетъ за одно съ Новосильцовымъ съ цѣлью оттолкнуть отъ цесаревича всѣхъ поляковъ и занять первенствующее положеніе. Не вѣря въ возможность революціи, цесаревичъ тѣмъ не менѣе, по настоянію княгини Ловичъ, Новосильцова, Рожнецкаго и Красинскаго, принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности: на случай революціи были назначены сборные пункты для русскихъ полковъ и проч.

Прошелъ мѣсяць, — другой, слухи о бунтѣ не оправдывались, и безъ того слабыя мѣры предосторожности были ослаблены, на „посидѣлки“ русскіе стали собираться неакуратно. Іюльская революція во Франціи подмила масла въ польскій огонь по цесаревичъ этого не замѣчалъ. 29 августа 1830 года онъ писалъ Опочинину: „въ войскѣ — духъ хорошъ и генерально пасмѣхающійся надъ легкомысліемъ и вѣтренностью французовъ со товарищи“. Въ октябрѣ въ Варшавѣ

появились прокламаціи, призывавшія къ возстанію, а также объявленія объ отдачѣ въ наемъ Бельведера. Слухи о томъ, что государь намѣренъ послать польскую армію въ Бельгію для усмиренія революціи, заставили торопиться польскихъ революціонеровъ. 16 ноябрю цесаревичъ пишетъ Опочинину объ отпускѣ его сына, ни словомъ не упоминая объ ожидавшемся въ Варшавѣ взрывѣ, а на слѣдующій день, 17 ноябрю, вечеромъ заговорщики напали на лѣтнюю резиденцію цесаревича Бельведерскій дворецъ, гдѣ онъ, не смотря на ноябрь, продолжалъ находиться, благодаря стоявшей хорошей погодѣ. Принявъ по ошибкѣ за цесаревича ген. Жандра, революціонеры убили его, а между тѣмъ камердинеръ цесаревича Фризе сумѣлъ скрыть его отъ глазъ убійць. Поплатился жизнью и пріѣхавшій въ Бельведеръ вице-президентъ варшавской полиціи Любовицкій. Вѣсть о случившемся разнеслась по городу, надъ которымъ стояло зарево пожара: заговорщики, по заранѣе установленному условію подошли кивоваренный заводъ на улицѣ Солецъ, что должно было служить сигналомъ къ подпятію мятежа. Чуть-ли не первымъ далъ знать русскимъ войскамъ о началѣ революціи русский подпрапорщикъ Аксюкъ, большинство польскихъ товарищей котораго по училищу были причастны къ заговору, однимъ изъ руководителей котораго былъ прикомандированный къ училищу гвардейскій подпоручикъ Высоцкій. Начальникъ училища Трембицкій былъ убитъ. Караулы въ городѣ были заняты польскимъ четвертымъ пѣхотнымъ полкомъ. Этотъ полкъ былъ любимѣйшимъ полкомъ цесаревича, но, несмотря на это, онъ оказался на сторонѣ революціонеровъ. Русскіе полки устремились къ Бельведерскому дворцу; туда-же явился польскій генераль Курнатовскій съ польскимъ гвардейскимъ полкомъ конныхъ егерей; подходя къ Бельведеру Курнатовскій настигъ польскій пѣхотный егерскій полкъ, находившійся на сторонѣ заговорщиковъ, и приказалъ ему послѣдовать за собою. Когда явился Курнатовскій съ польскими полками, цесаревичъ обратился къ нему съ рѣчью, увѣщевая не измѣнять присягѣ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь подпоручикъ егерскаго пѣхотнаго полка Волосчанскій схватилъ ружье и прицѣлился въ цесаревича, по ружье осѣлось, а Волосчанскій, пользуясь темнотою, скрылся. Цесаревичъ, все еще не вѣря, что поляки подняли мятежъ, послалъ въ городъ фельдъегеря узнать, что тамъ происходитъ; не повѣривъ и ему, что въ городѣ общій бунтъ, въ которомъ принялъ участіе и любимый цесаревичемъ 4 пѣхотный полкъ, цесаревичъ командировалъ адъютанта Грессера; его ранили и взяли въ плѣнъ; такъ какъ Грессеръ не возвратился, то былъ посланъ другой адъютантъ, котораго постигла та-же участь; наконецъ цесаревичъ послалъ полковника Засса, котораго изрубили. Въ это время улицы Варшавы оглашались криками: „Поляки, къ оружію! смерть москалямъ!“ Арсеналь разграбился для вооруженія мятежниковъ. Чернь буйствовала, грабила и убила нѣсколько попавшихся на улицѣ русскихъ. Кабаки и тюрьмы разбивались. Уличными безпорядками руководилъ ксендзь Брониковскій, убѣждавшій народъ, что русскіе нападаютъ на поляковъ и убиваютъ ихъ. Польскіе генералы и офицеры Гауке, Ст. Потоцкій, Блюмеръ, Новицкій и Сементковскій, не желавшіе принять участія въ мятежѣ, были убиты. Въ драматическій театръ явился польскій офицеръ Добровольскій съ обнаженной саблей,

крича: „поляки, къ оружію! москали рѣжутъ и убиваютъ!“ Поднялся шумъ, публика бросилась на бывшихъ въ театрѣ трехъ русскихъ офицеровъ, но ихъ защитилъ генераль Хлопицкій. Положеніе русскихъ семействъ было ужаснымъ. Ночь съ 17 на 18 наши войска, стоявшія у Бельведера, и мятежническія провели подъ ружьемъ. На другой день произошла стычка русскаго войска и присоединившагося къ нему польскаго конно-егерскаго полка съ мятежниками. Русскіе семейства, большею частью, оставшіеся безъ отцовъ, которые находились при цесаревичѣ, сидѣли въ запертыхъ квартирахъ съ закрытыми ставнями. Были случаи пападеній на этихъ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Цесаревичъ колебался, вступить-ли въ борьбу съ мятежниками или уйти изъ Варшавы. Одни изъ современниковъ увѣряютъ, что онъ могъ легко подавить возстаніе, по мнѣнію-же другихъ мятежъ припалъ уже тогда такіе размѣры, что цесаревичъ не могъ-бы справиться съ нимъ, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько полковъ, а на скорую помощь при отсутствіи телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ рассчитывать было нельзя. Въ Петербургѣ узнали о мятежѣ окольнымъ путемъ черезъ Пруссію. Первымъ получилъ извѣстіе прусскій посланникъ, извѣщенный прусскимъ варшавскимъ консуломъ, который послалъ курьера черезъ Познань, опасаясь, что прямымъ путемъ ему не удастся проѣхать. Государь не былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ былъ подготовленъ къ нему. Посланные цесаревичемъ курьеры задержаны были на пути поляками. Многие въ Петербургѣ и въ Москвѣ были поражены случившимся, многие опасались за судьбу своихъ варшавскихъ родныхъ и знакомыхъ. 18 ноября вечеромъ цесаревичъ выступилъ съ войсками изъ Варшавы на Мокотовское поле. 19 былъ избранъ революціонерами главнокомандующимъ генераль Хлопицкій, а затѣмъ образовалось подъ предсѣдательствомъ Чарторыйскаго временное революціонное правительство, въ составъ котораго вошли Любецкій-Друцкій, Лелевель и др. Чарторыйскій, подстрекавшій оппозицію и поддерживавшій революціонеровъ, потерялъ голову, когда вспыхнуло возстаніе. Обращаясь къ Козьмяну, онъ сказалъ: „Какъ-бы намъ вывернуться изъ этого несчастья? Кто могъ этого ожидать! Надѣюсь, что сеймъ вышлетъ депутацію къ императору. Посмотримъ, что скажетъ Европа. Если-бы. . . Если-бы Франція, Турки или Австрія помогли намъ! Теперь они въ состояніи это сдѣлать. . . А, можетъ быть, случится что-нибудь неожиданное“⁵⁴). Цесаревичъ и русское войско, стоявшее бивуакомъ на Мокотовскомъ полѣ, оказались въ очень тяжеломъ положеніи: не было ни продовольствія, ни денегъ. Офицеры были недовольны образомъ дѣйствій цесаревича и опасались за участь своихъ семей, оставшихся въ городѣ. Недовольство цесаревичемъ доходило до того, что его подозрѣвали въ соучастіи съ польскими революціонерами. На дѣлѣ эти подозрѣнія были, разумѣется, лишены всякаго основанія, но цесаревичъ совсѣмъ растерялся. Онъ былъ до глубины души оскорбленъ и

⁵⁴) Приводя эти слова Чарторыйскаго въ своей статьѣ „Польша послѣ 1815 г.“, покойный Е. М. Оболенскій замѣтилъ: „Такъ рассуждалъ въ минуты рѣшительнаго кризиса человекъ, который руководилъ когда-то иностранною политикой Россійской Имперіи, котораго и доселѣ поляки считаютъ однимъ изъ государственныхъ людей въ лучшемъ значеніи слова“. („Русскій Вѣстникъ“, августовская книжка, 1866 г., стр. 419).

потрясенъ измѣнной поляковъ, и его охватило отчаяніе. Онъ не зналъ, что дѣлать и повторялъ, что „всякая пролитая капля крови только испортитъ дѣло“, и что „моего предка Петра I спасла его жена на Прутѣ, такъ и меня спасетъ моя любимая супруга“, а княгиня Ловичъ, которая была больна, когда вспыхнулъ мятежъ, расхворалась еще болѣе вслѣдствіе потрясенія. Къ сожалѣнію, Новосильцовъ тогда находился въ Вильнѣ. Его варшавская канцелярія, архивъ и богатая бібліотека были расхищены революціонерами. 21 поября къ цесаревичу явились депутаты отъ польскаго революціоннаго правительства Островскій, проф. Лелевель, князь А. Чарторыйскій и князь Любецкій-Друцкій. Депутаты были въ конфедераткахъ и съ бантами изъ лентъ національныхъ польскихъ цвѣтовъ. Князь Любецкій-Друцкій, недавно секретно доносившій государю о революціонномъ настроеніи поляковъ и совѣтовавшій рядъ мѣръ для подавленія этого настроенія, допуская-ли возможность побѣды поляковъ, или-же изъ боязни, чтобы его не постигла участь Гауке и другихъ убитыхъ 17 поября, присталъ къ революціонерамъ. Впослѣдствіи онъ старался убѣдить русскихъ, что перешелъ на сторону революціонеровъ съ единственною цѣлью сдерживать послѣднихъ. А нѣкоторое время спустя онъ отправился для переговоровъ съ государемъ отъ имени революціоннаго правительства въ Петербургъ, гдѣ и остался, и впослѣдствіи былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту Царства Польскаго.

При переговорахъ цесаревича съ депутатами революціоннаго правительства присутствовала кн. Ловичъ. Депутаты вели себя крайне высококомѣрно. Княгиня старалась придать переговорамъ спокойный характеръ, но, когда заговорилъ Лелевель, она не выдержала и воскликнула: „Вотъ онъ настоящій предатель!“ Переговоры окончились согласіемъ цесаревича уйти изъ Царства съ русскими полками.

Цесаревичу ставили въ вину переговоры съ представителями революціоннаго правительства и отступленіе отъ Варшавы, но врядъ-ли эти оба обвиненія основательны. Есть основаніе обвинять его за пристрастіе къ полякамъ, за то, что онъ допустилъ мятежъ, но, когда мятежъ разгорѣлся, когда цесаревичъ съ войсками безъ денегъ и продовольствія очутился на Мокотовскомъ полѣ, когда многія русскія семейства находились въ Варшавѣ между жизнью и смертью, не оставалось ничего болѣе, какъ отступить, выговоривъ разрѣшеніе русскимъ семействамъ, оставшимся въ городѣ, послѣдовать за нимъ, что онъ и сдѣлалъ. И подъ командой цесаревича потянулся русскій отрядъ къ границѣ Царства, а за войсками ѣхали коляски и брички съ женами и дѣтьми русскихъ офицеровъ и чиновниковъ. Взятыхъ въ плѣнъ русскихъ мужчинъ поляки не выпустили. Въ числѣ плѣнныхъ было нѣсколько офицеровъ, солдатъ и писарей, священникъ Уланскаго полка Кутневичъ, воспитатель Павла Константиновича Александрова Фовицкій и будущій лексикографъ Макаровъ. Одни изъ плѣнныхъ были оставлены въ Варшавѣ, другіе отосланы въ разные города Царства. Плѣннымъ приходилось круто, особенно въ Варшавѣ во вторую половину мятежа, когда терроръ достигъ здѣсь крайнихъ предѣловъ. Одинъ изъ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ Кетлеръ былъ изрубленъ въ куски, а пріѣхавшая въ Варшаву изъ одного изъ городовъ Царства Польскаго полковница Брюханова была повѣшена въ присутствіи дочери. Протоіе-

рея Новицкаго спасъ отъ висѣлицы греческій купецъ Добрычъ. Съ цесаревичемъ ушли изъ Варшавы кромѣ русскихъ нѣсколько польскихъ генераловъ и офицеровъ. Въ числѣ генераловъ польской арміи, послѣдовавшихъ за цесаревичемъ былъ принцъ Адамъ Вюртембергскій. Принцъ этотъ родился отъ брака принца Людовика, служившаго одно время въ польскихъ войскахъ и женившагося, по совѣту Фридриха Великаго, на княжнѣ Чарторыйской, сестрѣ князя Адама Чарторыйскаго. Этотъ политическій бракъ впоследствии былъ расторгнутъ по политическимъ-же причинамъ. Принцъ Людовикъ переселился въ Вюртембергъ, гдѣ женился вторично. Отъ брака его съ княжной Чарторыйской родился принцъ Адамъ Вюртембергскій, поступившій въ польскую армію. Уйдя изъ Варшавы съ русскими, онъ принялъ затѣмъ участіе въ подавленіи мятежа, въ числѣ главнѣйшихъ руководителей котораго были его бабушка княгиня Изабелла и дядя князь Адамъ. По окончаніи мятежа принцъ остался въ рядахъ русской арміи. Жены нѣкоторыхъ офицеровъ-поляковъ, удалившихся съ цесаревичемъ, отказались послѣдовать за ними, отреклись отъ своихъ мужей, отдали дѣтей въ воспитательный домъ и вышли во время мятежа вторично за-мужь.

Цѣна 75 коп.

Настоящая книга будетъ состоять изъ трехъ выпусковъ. За все три выпуска 2 рубля.
Выписывать можно изъ варшавскаго книжнаго магазина Н. Н. Карбасникова (Варшава,
ул. Новый Свѣтъ № 69).

Выписывающіе отъ автора (Варшава, ул. Калікста, д. № 17) за пересылку не приплачиваютъ.

Того-же автора:

Историческій очеркъ русской печати въ Привислвскомъ краѣ. Варшава. 1896. Ц. 50 к.

Русскіе Государя въ Варшавѣ. Варшава. 1897. Ц. 40 к.